

*Митрофан (Баданин),  
Епископ Североморский и Умбский*

# ВОЙНА И ЛЮБОВЬ



Издательство «Ладан»  
Санкт-Петербург  
2013

Митрофан (Баданин), Епископ Североморский и Умбский  
**Война и любовь.** – Санкт-Петербург: Изд. Ладан, 2013. – 72 с.: ил.

ISBN 978-586983-121-7

Книга Митрофана (Баданина), Епископа Североморского и Умбского, капитана 2 ранга в отставке, касается важнейшего жизненного вопроса, который, так или иначе, временами встает перед человеком. Как в условиях тяжелейших, трагических, жестоких обстоятельств жизни сохранить свою душу неповрежденной, как не дать очерстветь сердцу, как удержать в себе внутренние ориентиры добра и любви?

На примере судеб людей, воевавших на фронтах кровопролитных войн XX века, автор предлагает единственно возможное решение этого важнейшего вопроса жизни человека.

ISBN 978-586983-121-7

© Митрофан (Баданин),  
Епископ Североморский и Умский

*Книга посвящается моим родным,  
воевавшим на фронтах  
Великой Отечественной войны.*

---

## Часть I. «СКРЕПИТЬ ЛЮБОВЬЮ...»

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –  
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»  
А мы попробуем спаять его любовью, –  
А там увидим, что прочней...»*

Ф. И. Тютчев

Так ответил наш русский поэт «железному канцлеру» Бисмарку. Здесь, в этом противопоставлении, сокрыта очень большая проблема. Либо «железо и кровь», которые безраздельно царили в прошлой человеческой истории, создавая языческие цивилизации древности, либо «любовь», всевластие которой возвестил пришедший в мир Спаситель, явив ее как единственную силу, открывающую перед человеком блаженные миры «жизни будущего века».

Так получилось, что двое дорогих мне людей в полной мере столкнулись с этой страшной дилеммой жизни и смерти. Два русских воина приняли незаконные законы войны и пропустили их сквозь свои сердца. Это мой отец, Василий Алексеевич Баданин, и мой тесть, Иван Михайлович Иванченко.

Иван Михайлович был значительно старше моего отца. Командир роты старший лейтенант Иванченко 24 июня 1941 года уже принял первый бой на западе Белоруссии. Отцу же «призывные» восемнадцать исполнились лишь в сорок третьем, и он, совсем еще мальчишка из глухой вологодской деревни, вдруг оказался на фронтах непомерно страшной Великой Отечественной войны. Воевал сержантом, командиром отделения взвода артиллерийских разведчи-



ков на 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах.

Сейчас, когда отца уже нет, мне подчас бывает очень горько от того, что я так и не смог, как бы это дико ни звучало, породниться со своим отцом. Не сумел понять его глубинную трагедию и тяжелейший внутренний разлад, порожденный теми фронтовыми годами, да и многими последующими трагическими обстоятельствами его службы на подводном флоте.

После войны, по окончании Военно-морского училища, отцу выпало служить на опытной лодке нового проекта 615. Это была первая попытка создать подводную лодку с так называемым единым двигателем. Лодка-эксперимент была создана с целью добиться работы одного типа двигателя (в данном случае дизеля) в надводном и подводном положении. Однако весьма скоро за этими лодками закрепилась дурная слава, и на флоте их стали называть «зажигалками».

Одним из самых крупных (и так и не преодоленных) недостатков ПЛ проекта 615 была их крайне высокая взрыво- и пожароопасность. Это было связано с тем, что энергоустановки этой лодки работали в газокислородном замкнутом цикле. В период испытаний, непрерывно происходивших на М-254, как на головной лодке серии, регулярно возникали пожары и «небольшие взрывы», или, более оптимистично, «хлопки» в машинных выгородках. Осенью 1954 года на этой подводной лодке, где помощником командира БЧ-5 служил мой отец, произошел сильный взрыв и возник пожар в 6-м и 7-м отсеках. В тот раз удалось ликвидировать пожар и избежать жертв. Но постоянная угроза катастрофы сохранялась.



*Мой отец, капитан 1 ранга  
В. А. Баданин. Фото 1978 года.  
Отцу 52 года*



*Командир ПЛ М-254 капитан 3 ранга В. А. Наянов и мой отец, помощник командира БЧ-5 старший лейтенант В. А. Баданин, на верхней палубе этой лодки.  
Кронштадт, 1954 год*

В 1956 году тяжелая авария произошла на ПЛ М-259, когда вновь в результате взрыва в машинной выгородке дизеля (при его работе по замкнутому циклу) погибли четыре человека и шестеро получили тяжелые травмы, ожоги и отравления. В их числе погиб и друг отца, старший инженер-лейтенант Н. П. Первухин, задохнувшийся в дыму.

В следующем 1957 году вблизи Таллинна по той же причине, в результате возникшего в подводном положении пожара, погибла ПЛ М-256 практически со всем экипажем.

На лодках этого проекта в режиме постоянных испытаний и доработок отец прослужил шесть лет.

## **Книга отца**

Отец обладал удивительным умом и талантом. Необычайно ясно мыслил, легко и доходчиво излагал свои мысли на бумаге. Имея в голове прекрасные проекты перспективных научных разработок в

области кораблестроения, отец собрал огромный материал и предполагал написать об этом книгу. Речь шла о принципиально новых концепциях в проектировании и строительстве подводных лодок. Безусловно, он мог бы успешно заниматься серьезной научной деятельностью и достиг бы больших результатов. Но страшная зависимость от спиртного неумолимо сгибала его, отнимала силу, интеллект, волю.

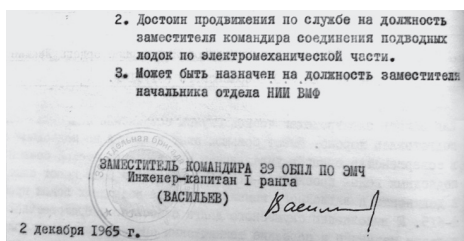
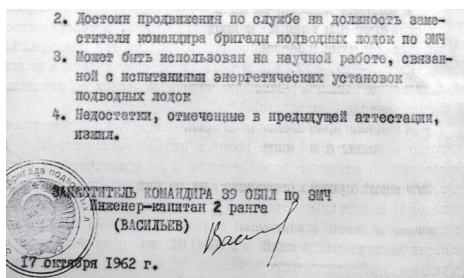
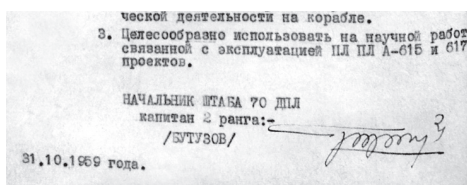


*Мой отец (справа), курсант  
5 курса ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского,  
со своим другом. 1951 год*

Несмотря на эту тяжелейшую борьбу, он продолжал ежедневно работать за пишущей машинкой и писать книгу, чувствуя свой долг перед погибшими друзьями-подводниками. Тридцать лет отец ждал, когда будет снят гриф секретности с материалов расследований всех тех трагических событий, чтобы наконец рассказать правду о том, как героически боролись и как погибали его друзья. При этом книга являла собой и глубокое научное исследование. Помимо всестороннего анализа пройденного пути и развития идеи дизельных подводных лодок в книге отстаивается ясная дальнейшая перспективность этого направления развития подводного флота, предлагаются идеи и концепции будущего.

«Когда состоялась презентация его книги “Подводные лодки с единым двигателем”,<sup>1</sup> ставшей итогом его жизни, – рассказывала потом его вторая жена Людмила Федоровна, – я была поражена тем, какой большой резонанс вызвал этот его труд. И в первую очередь речь шла, конечно, о той огромной благодарности, которую искренне и со слезами выражали ему дети и внуки тех погибших героев-подводников, узнавшие наконец правду о боевой кончине своих родных и близких». Было очевидно, что его возможности в научной деятельности огромны, но, увы, они остались не востребованными.

<sup>1</sup> Баданин В. А. Подводные лодки с единым двигателем. СПб.: Изд. «Гангут», 1998. 288 с.: ил.



*Выдержки из аттестаций разных лет из личного дела офицера В. А. Баданина с рекомендациями по дальнейшему продвижению по службе, связанному с научной деятельностью*

В свое время я уговорил его написать воспоминания о пережитом. Надо сказать, что он загорелся этой идеей и наряду с завершением своей замечательной книги «Подводные лодки с единым двигателем» писал и свои воспоминания. Пока был жив, он все время откладывал на потом вручение мне этой рукописи, говоря, что сам прочитает ее при нашей будущей встрече, настоящей и важной. Но, увы, этой встречи так и не случилось. Ее тогда и не могло быть. Надеюсь, она происходит сейчас, когда я пишу эти строки.

В те же давние годы беспечной юности мы все, казалось бы, являясь родственниками, тем не менее были глубоко одиноки и жили сами по себе. Это все та же мысль, с которой мы начали разговор о том, чем «скрепляется единство». И прошло немало лет, и было вдоволь испытано скорбей, пока мы в полной мере не осознали, что единство и подлинное родство создается лишь Любовью в Святом Духе, ибо Он *«есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»* (1 Ин. 4, 16). Едиными, родными, желанными, необходимыми друг другу нас делает лишь Господь, собирая рассеянных по «дальним странам» Своих «блудных сынов и дочерей».

Когда я позже читал записи отца, его рассказы о пережитой им войне, мне открылась тайна глубочайшей духовной травмы, что нанесли ему годы, проведенные на фронте. Как он ненавидел войну! Он весь содрогался и гнал от себя воспоминания о том жестоком времени, но так и не научился без боли возвращаться мыслями в те страшные дни и делиться «воспоминаниями ветерана».



Я и раньше замечал, что те, кто фактически, по-настоящему, воевал, кто прошел эту страшную школу, очень не любят рассказывать о войне. Потому что война – это сплошные грязь, ужас и боль, замешанные на крови. Нормальный человек не может выжить на войне без последствий. Он должен стать ненормальным, больным, духовно травмированным.

Отец никогда не хотел рассказывать ни про свои награды, а их было немало, ни про свои ранения. И лишь недавно от его младшего брата, нашего дяди Леши, мы узнали о тяжелой контузии, перенесенной отцом в боях под Варшавой. А так – никогда ни слова, ни полслова. Разве лишь поставит свою любимую песню «В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой...» или сам запоет знаменитые «Журавли» Марка Бернеса. Да еще всплакнет украдкой...

Помню, что в 50-е годы, когда мне было года три-четыре, мама уже стала просить отца больше не заводить дома наш патефон (настоящий заводной патефон с ручкой) с этой грустной песней про «Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой...» Папа обещал, но когда мама куда-то выходила, он опять тихонько ставил эту пластинку и слушал.

Когда я уже был курсантом командного училища, то напрямую попросил отца рассказать о войне, о его награ-



*Молодожены.  
Мой отец Василий  
и мама Тамара.  
Весна 1949 года*



*Послевоенный патефон*

дах. Все-таки у него было два ордена Красной Звезды,<sup>2</sup> не считая медалей «За отвагу»,<sup>3</sup> «За боевые заслуги».<sup>4</sup> Однако было видно, что отцу моя просьба не по душе. «Я не хочу это вспоминать, – сказал он после некоторого молчания и, заметив мое неудовольствие, добавил: – Если захочешь, позже сам все узнаешь». Так закончился наш с ним единственный разговор о войне.



*Мой отец  
Василий Алексеевич  
с сыновьями.  
Слева воспитанник  
Нахимовского училища  
Дмитрий, справа автор,  
курсант 4 курса ВВМКУ  
им. М. В. Фрунзе, Алексей.  
9 мая 1975 года.  
День тридцатилетия  
Победы*



*«Орден Красной Звезды», медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги»*

<sup>2</sup> Награждение орденом Красной Звезды производилось «за личное мужество и отвагу в боях».

<sup>3</sup> Медаль «За отвагу» с момента своего появления стала особо популярной и ценимой среди фронтовиков, поскольку ею награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою. Это ее главное отличие от некоторых других медалей, которые нередко вручались «за участие».

<sup>4</sup> Медаль «За боевые заслуги» вручалась военнослужащим, которые «своими умелыми, инициативными и смелыми действиями, сопряженными с риском для их жизни, содействовали успеху боевых действий на фронте».

## Тоска о любви

*«И отсутствовавшие и присутствовавшие  
одинаково пострадали: их постигла сугубая скорбь  
и стенание от воспоминания о прошедшем» (Прем. 11, 13)*

Отец был очень цельной натурой, глубоко порядочным и надежным человеком, верным своим словам и убеждениям. Глубоко возненавидев войну, он также ненавидел и Германию, и немцев и ничего не мог с собой поделать. Когда началась «перестройка» и рухнули казавшиеся незыблемыми представления о нашей Победе в войне, о добре, правоте, справедливости, отец безмерно страдал и все больше искал спасения от этих мук в спиртном.

Армия и флот в те «перестроечные» годы всячески поносились. Слово «офицер» в среде творцов новой российской демократии приобрело оскорбительный оттенок. Те моменты смертельной опасности, гибель друзей и катастрофы, что в полной мере довелось пережить отцу на службе в ВМФ, вдруг оказались бессмысленными и ненужными в глазах новой российской власти либералов-космополитов. И как теперь было жить, если всю свою военную службу в течение 27 лет он провел в стрессовом режиме специалиста-испытателя новых проектов подводных лодок, искренне веря, что это нужно Родине?

И об этих страницах горя и мужества он тоже ничего никогда не рассказывал. Если бы в августе 1956 года нам домой не позвонили из отдела кадров 68-й дивизии Кронштадтской крепости и по ошибке не сообщили моей маме, что «Ваш муж, старший лейтенант Баданин, погиб при исполнении служебного долга», то мы так ничего и не знали бы о катастрофе ПЛ М-259. Отец тогда подменял своего друга офицера Первухина на время отпуска и был включен в список экипажа на тот выход в море. Но Коля Первухин вернулся с отпуска пораньше и пошел в море сам. В списке же фамилию не исправили и обзвонили семьи погибших. Мама после этого попала в больницу со щитовидкой и так до конца и не поправилась.

Впервые я увидел отца сильно пьяным в сентябре следующего 1957 года. Мне было четыре года, и я помню, как его в форме привели домой под руки его друзья-офицеры. Мне было как-то не по себе

видеть отца в таком состоянии, но в то же время я обратил внимание, что никто из домочадцев не возмущался, и даже наоборот, все были с ним крайне заботливы. Лишь только тогда от его друзей мы узнали, что лодка М-256 погибла практически со всем экипажем. Отец в тот день, как дивизионный инженер-механик был включен в список этого экипажа на выход в море. В последний момент решили переиграть, и он вышел в море на другой лодке.

Теперь я понимаю, что он был не таким, как мы, «ленинградская интеллигенция», с ее неизменной скрытой «фрондой», с размытыми нормами морали и с готовностью разменять, казалось бы, неразменное. Много из того, что нам было вовсе не важно и что мы просто не замечали, для него имело решающее значение и крайне тяжело и глубоко переживалось. Именно это наше непонимание его удивительно богатого внутреннего мира и подлинной глубины его переживаний в конечном итоге породило в нем глубочайшее разочарование, чувство одиночества. Впоследствии все это часто перерастало в болезненную обиду и озлобленность на всех и на вся, которая



*Капитан-лейтенант Баданин  
с женой Тamarой. 1956 год*

многократно возростала от ежедневной и обязательной в последние годы выпивки.

Потребляя спиртное, он неизменно мрачнел, горечь прошлых событий и перенесенных жизненных травм вновь наполняла его душу. И тогда он, тяжело страдая сам, изводил других укорами и подозрениями, да так, что любое общение с ним становилось невыносимым.

«Опять началась черная меланхолия» – эти слова я помню с детства. Так мои домочадцы объясняли наступавшее время от времени болезненно-мрачное состояние отца. Эту проблему, как некое душевное мучение, он, думаю, принес с войны.

Его могла бы исцелить только любовь. Но, увы, моя мама была тогда совсем девчонкой. Всегда веселой, подчас взбалмошной, легкой и искрометной. Нет, конечно же, «Томочка» искренне и глубоко любила своего «Василька», но, будучи воспитанной под неусыпным контролем своих



родителей и всегда строго ограждаемой от самостоятельных решений, она вовсе не обладала той духовной зрелостью, что дает благодатные силы согреть родное сердце и взять на себя эту боль, так жестоко терзающую душу любимого человека.

Все сказанное мною об этой беде для моего отца усугублялось еще одним обстоятельством. Отец был человеком очень сильной воли, и эта мучительная и позорная неспособность противостоять своей духовной немощи изматывала и разрушала его.

Моя бабушка Мария Степановна рассказывала, как он потряс ее своей силой воли, «легко» бросив курить. Дело в том, что, вернувшись с фронта, Василий, по словам бабушки, «дымил как паровоз». Курил очень много и даже не раз вставал ночью, чтобы покурить. Однажды Мария Степановна решилась с ним об этом поговорить: «Надо что-то делать с курением, Василий, столько дыму, а ведь будет ребенок, как это отразится на его здоровье?» На что зять спокойно ответил, что как только ребенок родится, он тут же бросит курить. Бабушка позже признавалась, что такое заявление она сочла легкомысленной бравадой, поскольку видела сильную привязанность зятя к табаку и помнила, как долго и с какими мучениями в свое время избавлялся от этой привычки ее муж Дмитрий Тимофеевич.

Но когда поздно вечером 27 мая 1953 года раздался звонок из роддома, возвестивший о моем появлении на свет, и стихли первые восторги, отец спокойно достал пачку «Беломора», скомкал ее и выбросил в мусор. И за всю свою жизнь к табаку он более не прикоснулся, и я тому свидетель.

Много лет спустя, когда отца уже не было в живых, я как-то показал владыке Симону, архиепископу Мурманскому и Мончегорскому, книгу, написанную моим отцом перед смертью. Раскрыв ее на первой странице и взглянув на фото отца в форме капитана первого



*1954 год. Старший лейтенант  
Баданин с автором книги*



1960 год. Отцу 34 года

ранга, Владыка неожиданно произнес:  
«Какой сильный человек!»

## Черный ангел

Сейчас я уже тоже знаю, какова она, «черная меланхолия». Знаю, как враг рода человеческого явно приступает, как будто некий падший ангел своим черным душным крылом придавливает и тяжело гнетет тебя. По слову святителя Игнатия (Брянчанинова): «Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения». Рецепт здесь один: сначала потерпеть и собраться с силами, а потом потихоньку, через «не хочу», но заняться

каким-либо богоугодным делом. В стратегическом же плане борьбы, конечно же, искренняя, безжалостная к себе Исповедь и регулярное Причастие. Но это мы сейчас все такие умные...

Как же тяжело было человеку, оказавшемуся на тех страшных войнах при полном вакууме Божественной благодати и духовного утешения. Каждый, кто по-настоящему воевал и в силу обстоятельств должен был убивать, неизбежно становится духовно больным человеком. Единственное лекарство от этого тяжелого недуга – любовь. Самым действенным целительным средством, конечно же, была, есть и будет неисчерпаемая любовь Божия. Ее врачующую силу испытывает каждый, кто прибегал к Таинствам Исповеди и Причастия. Именно этими проверенными средствами в течение двух тысяч лет излечивала Церковь Христова тяжелые душевные раны, нанесенные войной воину-христианину. Грех убийства, снятый с души воина на Исповеди, терял свою разрушительную силу, и человек постепенно исцелялся от этих внешне не видимых ран.

Та составляющая веры Христовой, которой была так сильна Русская армия в прошлой истории нашего государства, сейчас практи-

чески полностью отсутствует. Российские войны оказались лишены самого главного оружия воина – стержня Веры, без которого невозможно быть уверенным в правоте своего дела, обрести бесстрашие и спокойную силу, ясное чувство бессмертия своей души, которое более всего духовно подавляет противника.

«Синдромы войны» порождают в человеке глубокий внутренний конфликт с совестью, поскольку память неумолимо и безжалостно возвращает солдата во сне и наяву к тем невыносимо жутким и порой позорным эпизодам и делам войны, которые они совершали сами или чему были свидетелями. Много из того, что позволяли себе воевавшие, было бы абсолютно невозможно, недопустимо, если бы российская армия исповедовала веру своих предков, высочайшие идеалы Православия. Теперь же, в большинстве своем, как рядовые, так и военачальники вынуждены следовать тому образу ведения войны, который навязывает жестокий и фанатичный враг, неизбежно скатываясь в слепую ненависть, с безумным матом и с единственным желанием ответить еще большим злом за зло и еще большей кровью за кровь.

## Часть II. ПРО «ДЯДЮ КОЛЮ»

Я сознательно называю брата моей мамы «дядей Колей», хотя в воспоминаниях нашей семьи он навсегда остался просто мальчишкой Колей Колобовым или, по-семейному, «Котькой». Ему так и не довелось стать для кого-либо «дядей».

Коля родился в 1924 году и был двоюродным братом моей мамы Тамары, хотя так получилось, что он был ей ближе родного. Их так и звали в семье – Котька и Амаля. Так малыши произносили свои имена – «Колька» и «Тамара».

Мальчик поселился в нашем доме, его стали воспитывать дедушка Степан



«Котька» и «Амаля» в 1931 году



*Дедушка Степан Никитич и бабушка Мария Федоровна с внуками.  
Мальчик в «матроске» – пятилетний «дядя Коля».  
Годовалая девочка, внучка Тамара – моя мама*

Никитич и бабушка Мария Федоровна, поскольку его родители разошлись и создали новые семьи.

По воспоминаниям, дошедшим до нас, Коля был очень музыкально одаренным ребенком. Любую мелодию, где-либо им единожды услышанную, он мог идеально точно воспроизвести. Еще совсем малышом, в 20-е годы, он наизусть распевал только появившийся знаменитый «Марш Буденного» и при словах припева: «и вся-то наша жизнь есть борьба!» – лупил деревянной саблей по обивке кресел, за что ему доставалось. Но главным его увлечением были лошади, он их обожал. Он удивительно точно мог вырезать разнообразные фигурки лошадей из бумаги. Бабушка вспоминала, что все окна и стены в квартире были усеяны белыми фигурками летящих во весь опор лошадей.

При этом, он, конечно, был внутренне одинок, как каждый ребенок, живущий без родителей. Моя мама много позже говорила, что когда вспоминает брата, чтобы помолиться о нем, то всегда, как и



раньше, жалеет его. Их бабушка, Мария Федоровна, была очень строга, и непоседливому Котьке от нее доставалось. И тогда, когда его ругали, младшая сестричка (мама была на два года младше Коли) всегда вставала рядом, брала его за руку и жалела.

Пришла война. В августе 1941 года началась эвакуация из Ленинграда, и семья (вместе с моей мамой Тamarой) выехала в город Киров (Вятку). Все были эвакуированы вслед за своим архитектурно-проектным институтом.

Коля, которому только исполнилось 17 лет, еще не подлежал призыву, но и в эвакуацию он также не поехал, оставшись со своим дедушкой Степаном Никитичем (бабушка умерла перед войной) в осажденном городе.

Полномасштабный голод в городе начался уже с октября 1941 года. И деду, и внуку в полной мере пришлось испытать весь его ужас. Как иждивенцам им полагалось в день всего 125–200 граммов хлеба.

Коля, начиная с декабря, писал письма генералу армии А. К. Мерецкову, в то время командующему войсками Волховского фронта, с просьбой призвать его в Красную армию раньше срока. Это было, как ему казалось, единственной возможностью выжить: в войсках первой линии получали по 500 граммов хлеба, и тогда можно было бы как-то помочь и деду. Но необходимые для призыва восемнадцать лет Николаю должны были исполниться только в 1942 году, и то лишь осенью.

Наконец, 15 января 1942 года Октябрьским РВК г.



*Коля Колобов*



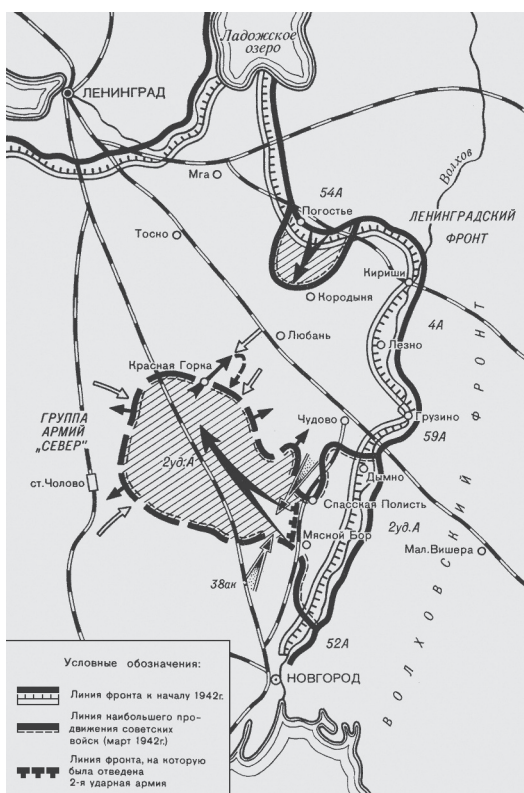
*На фронт. Ленинград, осень 1941 года*

Ленинграда Николай Колобов был все же призван в действующую армию и направлен для подготовки в 36-ю запасную стрелковую бригаду. Наспех пройдя строевое обучение, красноармеец Колобов был зачислен в 1027-й стрелковый полк 198-й стрелковой дивизии 54-й армии, сосредоточенной на Волховском фронте. Направление всех усилий его дивизии в это время было сосредоточено в районе станции Погостье. В истории той войны это название очень хорошо известно и навсегда останется одним из самых страшных воспоминаний.

Погостье – железнодорожная станция и примыкающая к ней деревушка из восьми домов на железнодорожной ветке Мга – Кириши. Старинное русское слово «погост» означает кладбище. Это неприметное местечко стало местом последнего упокоения многих и многих

десятков тысяч солдат по обе стороны фронта.

Зимой 1941 и весной 1942 годов эта железнодорожная станция оказалась той отправной точкой, с которой должна была бы развиваться Любанская наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. С этого плацдарма войска 54-й армии Ленинградского фронта (генерал-майора И. И. Федюнинского) долго и безрезультатно в лобовых атаках пытались взять хорошо укрепленные позиции 18-й армии Вермахта (генерала кавалерии Г. Линдемана), пытаясь любой ценой прорваться к погибающей в окружении 2-й ударной армии Волховского фронта (генерал-лейтенанта А. А. Власова).



*Ситуация на Ленинградском фронте  
зимой 1941–1942 гг.  
Выступ вверху карты – это Погостье*

События, происходившие в районе Погостья, стали в истории Великой Отечественной войны невиданным ранее свидетельством беспримерного мужества простого русского солдата.

16 февраля 1942 года рано утром красноармеец Колобов прибыл в расположение части и этим же утром при поддержке двадцати танков KV-1 дивизия перешла в наступление на урочище Виняголово (рядом с Погостьем). Стрелковый полк 1027, где оказался Николай, ценой больших потерь сумел продвинуться до окраин этого населенного пункта. Сохранилась запись в журнале боевых действий той танковой бригады, что была придана дивизии на время наступления: «Противник не ожидал такого количества танков, его пехота побежала из окопов, но тут ДЗОТы неожиданно «ожили», и наши наступающие понесли большие потери. В дальнейшем они были подавлены танками. У нас подбито 10 танков KV».

Этот бой стал первым и единственным боем Коли Колобова. Да и для всего полка этот день оказался тяжелейшим – были убиты и командир, и комиссар полка. В соседнем 1029-м полку погибли все три комбата.

Именно в этот первый день большого наступления, 16 февраля 1942 года, стрелок-красноармеец Николай Александрович Колобов получил осколочное ранение передней стенки грудной клетки, осколочное ранение левого бедра и сквозное пулевое ранение правого плеча.

С поля боя Николая сумели оттащить в медсанбат № 124, размещавшийся непосредственно в районе боя, у деревни Виняголово. Лишь через два дня, 18 февраля, Николая удалось переправить в эвакоприемник № 90, а на следующий день, 19 февраля, в эвакоприемник № 93, который размещался в железнодорожном клубе города Волхов. Здесь раненый Коля наконец был погружен в санитарный поезд, и началось долгое движение в сторону Вологды.

Лишь через неделю, 26 февраля, санитарный поезд, проделав путь около 500 км, прибыл на железнодорожную станцию Шексна Вологодской области, доставив Николая в эвакогоспиталь № 1327. Но это уже не имело значения – на следующий день 27 февраля 1942 года Коля Колобов скончался.

Причиной наступившей смерти, как оказалось, были вовсе не «последствия ранения», а так называемая «кахексия», или, проще,



*Братские могилы у Погостья*

«состояние глубокого истощения и крайней физической слабости организма», и развившиеся на этом фоне «голодные», «дистрофические отеки конечностей, водянка с хроническим нарушением функций оттока жидкости из организма».

Красноармеец Колобов был похоронен на госпитальном кладбище в селе Никольское Пришекснинского района Вологодской области.

Ему так и не наступило восемнадцать лет.

Бедный мальчик, он все еще мечтал о конях и «лихих буденовских рейдах». В единственном письме, которое он успел отправить с поезда, Коля писал, что служит «в конной разведке» и во время рейда в расположение противника под ним «коня убило», а его лишь ранило. «Но все будет хорошо...» Он не хотел писать правду о том, что неизлечимо болен после того ужаса блокадной зимы и что с тру-



дом может держать винтовку. И что никаких коней на Ленинградском фронте не было: их всех давно съели.

Он не хотел писать и о том, что здесь правит только смерть и нет другого пути, кроме как идти вперед и умереть. Ибо, как вспоминал один из немногих выживших участников тех боев, «здесь, в районе Погостья, сложился какой-то неумолимый и страшный ритм. Ночью подходило пополнение – тысяча, две, три. То моряки, то блокадники – это были массы истощенных, измученных людей, кое-как обученных обращаться с винтовкой. Сюда их переправляли по замерзшему Ладожскому озеру. Утром после жиденькой артподготовки они все шли в атаку, но едва двигались черепашьям шагом, пробиваясь в глубоком снегу и оставляя за собой «траншеи». Сил у них было очень мало, особенно у ленинградцев. Снег стоял выше пояса, и убитые не падали, а стоя застревали в сугробах. Трупы засыпало свежим снежком. На другой день была новая атака...»

У нас всех, ныне живущих в тепле и добре, уже дальних Колиных родственников, есть одна надежда на то, что он помолится о нас, и Господь помилует нас за его чистые и честные страдания. Нет сомнений, что милосердный Господь примет молитвы убиенного воина Николая, ибо *«нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15, 13).



*Коля Колобов.  
Нашему «дяде Коле»  
шестнадцать лет*

### **Часть III. РУССКИЙ ВОИН ИВАН**

*«Ибо крепка, как смерть, любовь»* (Песн. 8, 6)

Так как все же в жестоких обстоятельствах войны защититься человеку от всевластия «железа и крови», как «скрепить любовью» свою душу и не дать ее разрушить? Что может тягаться с торжеством и всесилием смерти, правящей на войне?



Полковник Иван Михайлович  
Иванченко.  
Фото 1975 года



Орден «Боевого Красного  
Знамени»

Господь подарил мне эту удивительную возможность близко узнать человека, который прошел три войны и остался исключительно чист, духовно здоров и полон неиссякаемой душевной доброты. Речь пойдет о моем тесте Иване Михайловиче.

Лишь с годами я стал понимать уникальность этого примера всемогущей любви, которая торжествует даже в условиях тоталитарного ужаса и довлеющей идеологии безбожия XX века. И я увидел, как на деле «любовь покрывает все грехи» (Притч. 10, 12), даже грехи страшной военной работы.

Иван Михайлович для меня – образец российского профессионального воина. Свой первый орден Красного Знамени он получил на Финской войне, будучи лейтенантом и командиром роты. Напомню, что орден этот присваивали лишь «за **особую** храбрость, самоотверженность и мужество при непосредственной боевой деятельности», и выше той награды в те годы было лишь звание Героя Советского Союза. Вручал лейтенанту Иванченко награду в Кремле лично председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.

Практически всю Великую Отечественную Иван Михайлович прошел комбатом (!), начав с боев на западной границе и дойдя до Берлина, причем пребывая все эти годы в непосредственном боестолкновении с противником. Перерывы были лишь в госпиталях. Он получил немало орденов и иных боевых наград. Имел три Ордена Боевого Красного Знамени. Немало было и ранений.

По законам той страшной войны и обстоятельств его боевого пути этого просто не могло быть, и он должен был непременно погибнуть, как многие миллионы и миллионы таких же бойцов. Но в его сердце всегда была большая любовь. Этой его любовью была единственная на всю жизнь Анна.

Все это я понял уже много позже, когда читал его воспоминания и его небольшой фронтовой дневник. Я понял, что он жил на фронте этой любовью и сберегался ею. Когда в первые дни войны и последующей наступившей неразберихи он потерял связь с семьей и затем несколько месяцев не имел никаких сведений, то он был близок к полному отчаянию и временами не хотел жить.

Анна была его ангелом-хранителем. Она ждала его и молилась за своего Ивана. Будучи человеком верующим, она, тем не менее, никогда ничем внешне этого не показывала, но в своей жизни в полной мере воплотила суть духовной работы жены офицера из пронзительного стихотворения Константина Симонова «Жди меня».

Жди меня, и я вернусь,  
Всем смертям назло.  
Кто не ждал меня, тот пусть  
Скажет: – Повезло.  
Не понять не ждавшим им,  
Как среди огня  
Ожиданием своим  
Ты спасла меня.  
Как я выжил, будем знать  
Только мы с тобой, –  
Просто ты умела ждать,  
Как никто другой.



1935 год. Учительница  
Иванковской  
семилетней школы  
Анна Адольфовна Русецкая,  
будущая жена  
Ивана Михайловича



Лейтенант Иванченко  
с женой Анной.  
Фото сделано в Минске  
сразу по окончании  
Финской войны.  
На груди первый орден  
Боевого Красного Знамени

Война нанесла тяжелые раны и Анне. Когда ее Иван принял бой на границе, она уже бежала под бомбами, успев выскочить из дома с грудным ребенком, в одном халате и домашних тапочках. Весь последующий ужас этого бега по стремительно занимаемой врагом территории, с последующим долгим отсутствием сведений о муже и многодневным запредельной тяжести трудом непрерывного ожидания и молитвы о сбережении любимого человека, оставили свой след в духовном здоровье Анны. Но они были едины в своей бесконечной любви и нежности друг ко другу, и потому ничто не могло победить их. Точно так же и многие иные «советские люди», честно и по любви жившие в том безбожном мире, через эту подлинную любовь могли познавать Бога и быть Ему угодными.

Именно об этой тайне возвещает нам Боговидец Иоанн. Кто в этой жизни испытал подлинную, всепоглощающую любовь, тот познал Бога: *«потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»* (1 Ин. 4, 7).

Можно только мечтать, чтобы каждая семейная пара обрела и сохранила это духовное сокровище и могла с такой же любовью глядеть друг на друга, как глядели Иван и Анна в день своей «золотой свадьбы». И я тому свидетель.



*Иван Михайлович и его жена Анна Адольфовна. 1976 год*





*Автор – курсант ВВМКУ им. Фрунзе – и его жена Валентина.  
Дворец бракосочетаний. 1972 год*

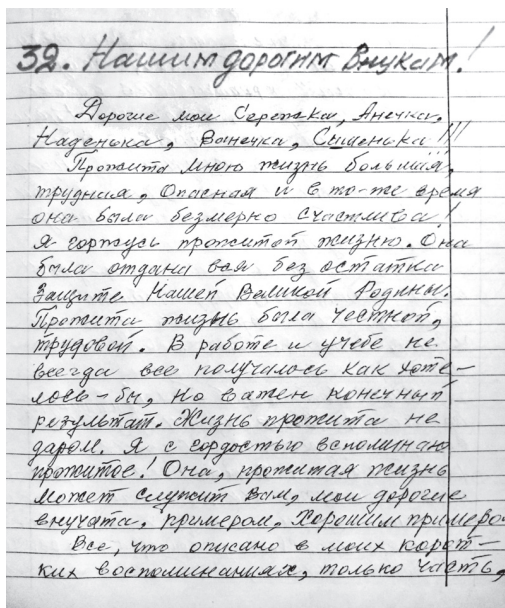
## **Свет любви**

Так же, как и в случае с моим отцом, я настоял на том, чтобы Иван Михайлович написал свои воспоминания. Учась в Высшем Военно-морском командном училище, я во время увольнений, естественно, стремился домой, к своей горячо любимой жене Валентине. Валентина была младшей из трех дочерей семьи Иванченко и жила с родителями. Всю жизнь Иван Михайлович мечтал о сыне, но «последышем» к его сорока годам вновь родилась дочь, третья и любимая.

Когда я появился в семье Иванченко, то стало понятно, что будто бы исполнилась их мечта. Иван Михайлович и Анна Адольфовна приняли меня как сына, отнесясь ко мне с искренней любовью и теплотой. Мы с Валентиной любили друг друга как сумасшедшие,



Осень 1937 года. Первый ребенок в семье Иванченко – девочка Валя. К сожалению, она вскоре умерла от воспаления легких. Своего последнего ребенка, мою будущую жену, Иван и Анна вновь назовут Валентиной



Заключительная страница рукописи книги Ивана Михайловича

мучительно страдая в разлуке, и было видно, что они искренне радовались за нас при наших встречах, и, наблюдая за нами, невольно возвращались к годам своей юности.

Иван и Анна поженились совсем молодыми. В июне 1936 года командир танкового взвода лейтенант Иванченко испросил краткосрочный отпуск для женитьбы. И хотя положенные восемнадцать лет невесте исполнялись лишь в августе, ждать уже было невозможно.

«25 июня я поехал в родной Иванков и без предупреждения через луг, вдоль реки Тетерев пошел напрямиком в село Белый Берег. Там была моя суженая. К вечеру мы разыскали председателя сельсовета, и она нас с Галкой без свидетелей расписала и объявила мужем и женой. Вечером в доме тещи состоялась так называемая “свадьба”. Собрались близкие родственники Гали, пришли мой отец с мамой, как полагается, кричали: “Горько!” и поздравляли

нас. На этом свадьба закончилась. На другой день на попутной почтовой грузовой машине мы уехали к месту нашей службы и жизни...

С того дня прошло 52 года. И сейчас на склоне жизненного пути я от всей души заявляю, что прожита она нами, эта совместная жизнь наша, – СЧАСТЛИВО. Были невзгоды, неустроенность, частые переезды, разлуки, волнения, переживания – но все это ничто. Мы жили друг для друга, и мы были счастливы. Такой же счастливой жизни мы желаем нашим детям и внукам!»

## Человек

Избрав стезю военного профессионала, я не мог не заводить с тестем разговоров про военную работу, про историю его личного боевого пути. Мне всегда казалось, что здесь есть какая-то нестыковка. Как можно столько времени быть на передовой, пройти фронты трех кровавых «мясорубок», где ежеминутно гибли сотни таких же русских солдат, и



1934 год. Братья Иванченко (слева направо):  
Иван (21 год), Василий (16 лет), Александр (19 лет).  
Иван был старшим среди братьев (всего детей в семье было шестеро). У него на груди уже знак «Готов к труду и обороне»: ГТО 1 степени – «Отличник». Это было высшим достижением в системе ГТО. Носить такой знак считалось делом достойным. Его можно было видеть даже на пиджаках министров



Знак  
«Готов к труду  
и обороне»:  
ГТО 1 степени –  
«Отличник»



*1936 год. Начало офицерской службы. Командир саперного взвода танкового батальона Иванченко*

остаться живым? И было еще одно недоумение, как-то не укладывалось в моей голове: ведь именно этот человек лично убивал ненавистного врага, подымал людей в атаку, принимал решения об их судьбах, постоянно глядел в лицо смерти... Сразу в голове возникал образ орущего и матерящего



*В семейном альбоме Иванченко это фото было подписано: «Первая гимнастёрка»*

всех и вся «красного командира», исполняющего любой приказ любой ценой... И я абсолютно точно видел, что для этого человека такое исключено. Он был так удивительно целомудрен, столь искренне добр и заботлив, полон неисчерпаемого оптимизма и готовности сострадать. Он будто бы излучал какой-то незнакомый мне, да и, наверное, многим свет неистребимой любви.

Ко дню Победы в доме начиналось невообразимое. Помимо встречи с самыми близкими друзьями-сослуживцами, раздавалось столько междугородних звонков, приходило море поздравительных открыток от давних друзей-однополчан. И, что необычно, многие из них были от простых рядовых той войны. Я читал их. Там не было стандартных слов, там была одна благодарность и признания в любви к своему командиру, сумевшему и в тех нечеловеческих условиях сохранить жизнь не одному солдату.

## Устно и письменно

Воспоминания Ивана Михайловича я прочитал уже много после его кончины, последовавшей в 1992 году. Скажу сразу, я был сначала разочарован. Я практически не нашел там очень многого из того, что



столь ярко врезалось мне в память после тех давних бесед с ним. В тех устных доверительных рассказах был он сам – офицер и воин Иван – и та страшная война перед его глазами. Это была смертельная схватка один на один. И ее рубеж проходил через сердце воина.

В книге его воспоминаний была уже другая война, та, что, надеюсь, останется в учебниках истории, и здесь воин Иван – лишь один из очень многих известных и неизвестных героев того сурового времени. Здесь главное – суровая мужская работа, которая совершалась тяжело, ежедневно и всеми вместе. И еще здесь главное – имена. Имена всех его друзей-однополчан, всех, кого сохранила память, – скорбный список и свидетельство повседневного подвига того, по сути, невозможного существования, когда готовность умереть уже сегодня становится обыденным и неизбежным фоном твоего ратного служения.<sup>5</sup>

Но есть в книге и еще одна важная и никогда не прерывающаяся нить. Это постоянное, ноющее, жизненно важное и неодолимое стремление Ивана и Анны друг ко другу. Все события войны, подвиги и сражения меркнут и кажутся второстепенными перед самыми важными строками книги, повествующими о том, как сквозь хаос и смерть эшелонами и попутками, большаками и бездорожьем удавалось Ивану находить свою «Галку».<sup>6</sup>

Я не знаю, было ли указано в личном деле офицера Иванченко в очередных обязательных аттестациях: «скучает по семье, всячески стремится участить встречи с ней», что, по понятиям идеологов Красной армии, являлось серьезным недостатком.



*Анна Русецкая или,  
по-семейному, Галка. 1941 год*

<sup>5</sup> Так, например, в боях за Сталинград продолжительность боевой деятельности каждого вновь прибывшего на передовую воина временами не превышала 24 часов.

<sup>6</sup> Иван Михайлович так ничем и не объяснил, почему, собственно, свою возлюбленную Анну он всю жизнь называл Галкой, Галей. И произносил это имя, естественно, с особым, подчеркнутым украинским «Г».

Во всяком случае, в моей аттестации это «безобразие» было упомянуто. Когда же, не столь давно, мне удалось ознакомиться с личным делом моего отца капитана 1 ранга Баданина В. А., то я был приятно удивлен, обнаружив соответствующую запись и в его аттестации: «Лейтенант Баданин к семье относится хорошо. Порой излишнее внимание семье мешает службе».



*Жена старшего лейтенанта Баданина А.В., Валентина мешает его службе. 1978 год*

Чтобы завершить эту мысль, позволю себе одно воспоминание. Был 1975 год – разгар «холодной войны». Я был курсантом четвертого курса. И в это время, в ознаменование 30-летия Победы над фашистской Германией, случилось небывалое – Советский Союз и США решили обменяться визитами военных кораблей. В Ленинград пришел фрегат УРО «Леги» и эсминец «Таттналл».

Это было нечто доселе невозможное. Я оказался в числе «счастливиц», отобранных для посещения «логова врага». Все мы были «заинструктированы» до предела на предмет того, как использовать эту удивительную возможность в разведывательных целях. Каждый по итогам посещения должен был письменно изложить все им разведанное.

Первым же и самым удивительным для нас оказалось то, что практически все на корабле было открыто и доступно для осмотра, включая даже ГКП и посты боевого управления оружием. По сути временами мы были предоставлены сами себе и, безусловно, увидели много важного и полезного... Но все это как бы перекрывалось ясным пониманием не только иного уровня жизни, но и иного духа, царившего на корабле. При нашем появлении хозяева вели себя вежливо и подчеркнуто сдержанно продолжали заниматься своими повседневными делами. Каюты экипажа также были открыты настежь. Так вот, в своих отчетах, как потом выяснилось, практически все указали (и это, видимо, вызвало недовольство «органов»), то, что на каждом рабочем столе офицера центральное место занимает цветная фотография его семьи. В наших каютах увидеть такое было невозможно. Это не поощрялось. Фото любимого вождя или членов Политбюро – это другое дело. Так что, извините, «внимание семье мешает службе».

## Карл Маннергейм и Иван Иванченко

Воспоминания событий боевого пути Ивана Михайловича я начну с его рассказа о его первой встрече с войной, о войне Финской.



*1940 год. В лесу Карельского перешейка на территории Финляндии.  
Комроты Иванченко – слева*

Финская кампания, или Зимняя война (1939–1940 годы), давалась большими потерями. Знаменитая линия укреплений, возведенных на Карельском перешейке по плану Карла Маннергейма, маршала Финляндии,<sup>7</sup> оказалась серьезным препятствием для успешного продвижения Красной армии вглубь территории. Подойдя к этой линии, войска встали.

Сейчас можно встретить множество воспоминаний о тех событиях. О героических и бесплодных атаках, о том упорстве и тяжелых потерях, что в течение января-февраля 1940 года сопровождали, по сути, бессмысленные попытки лихой «кавалерийской» атакой взять неприступные бетонные укрепления финнов.

Больше всего («как кость в горле») мешала одна из самых укрепленных долговременных огневых точек (ДОТ) этой инженерной системы обороны. Называлась она – по финскому наименованию Sk2, или «Тертту», по нашей нумеровке ДОТ № 45, или «Миллионник».<sup>8</sup> Создать эту подземную крепость распорядился лично маршал Маннергейм, когда в тридцатые годы проверял готовность этой линии обороны укрепрайона Сумма – Хотинен.

Общая проектная толщина железобетонных стен упомянутого сооружения составляла два метра. В то же время лобовая толщина его фронтальной части была восьмиметровой (!), при этом никаких бойниц для стрельбы здесь не предусматривалось. Другими словами, «в лоб» разрушить его было невозможно. В то же время любая попытка обойти его с флангов немедленно пресекалась губительным пулеметным огнем из боковых амбразур ДОТа и из соседних, хорошо укрытых огневых точек противника.

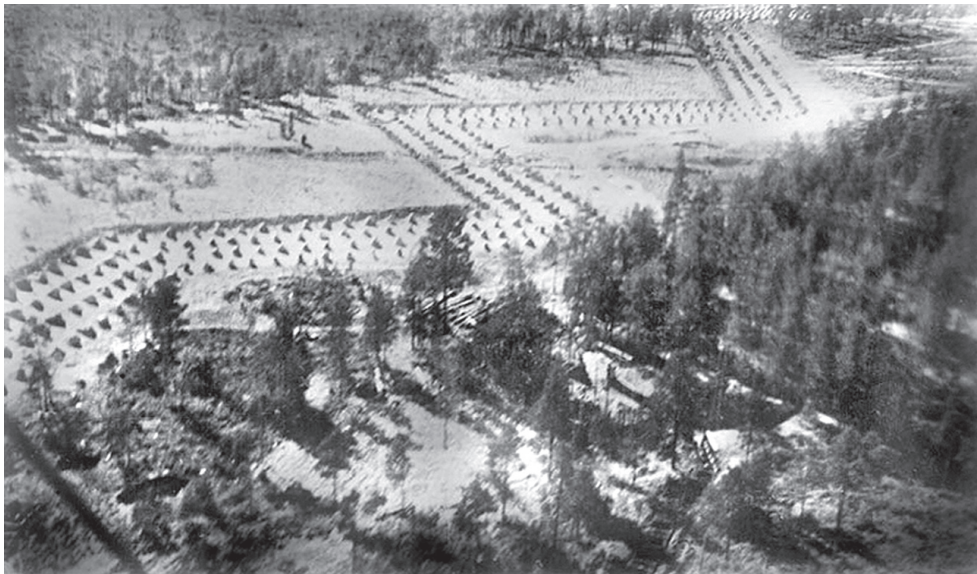
Следуя приказу командования, наши войска атаковали позиции и ценой больших потерь действительно пробивались к этому ДОТу. В иных военных мемуарах можно прочитать искренние в своей наивности и страшные по существу доклады политрука такого-то, что «наша рота наконец «оседлала» ДОТ №45, но в живых осталось только 28 человек». Для чего прорываться к абсолютно неприступ-

---

<sup>7</sup> Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) – барон, генерал-лейтенант Русской Императорской армии, маршал и президент Финляндии.

<sup>8</sup> Считалось, что стоимость такой железобетонной цитадели составляет порядка миллиона долларов.





*Линия Маннергейма. Вид с самолета*

ному сооружению – непонятно. Тактика же финнов состояла в том, чтобы, используя неизвестные нам замаскированные подземные ходы и траншеи, незаметно перемещаться в район атакуемого ДОТа и, окружив прорвавшихся к объекту смельчаков, их уничтожить.

В такой операции по «оседланию» ДОТа довелось принимать участие и лейтенанту Иванченко. Он был назначен командиром штурмовой группы из 19 человек. Однако задача, поставленная ему, была уже более разумной и состояла в том, чтобы не просто «оседлать» бетонную твердыню, но постараться скрытно дотащить до объекта взрывчатку, по 40 кг на человека, и попробовать обложить ею ДОТ. Но и в этом случае по-прежнему не было понимания всей сложности этой задачи, обусловленной тщательной продуманностью системы обороны линии Маннергейма.

Дело в том, что у финнов в этой войне «по определению» не могло быть шансов на успех. Весьма небогатая страна с населением 3,5 млн. человек не может победить страну с населением 183 млн., обладающую мощной оборонной промышленностью. Однако скрупулезно все продумать и тщательно подготовиться к обороне финны сумели. И их стратегия ведения войны в обороне, и тактика действий под-



*Заметенные снегом, плотными рядами теснились бетонные противотанковые надолбы*

разделений в зимних лесах Карелии была идеальной.

Так что для того, чтобы совершать какие-либо реальные действия вблизи ДОТа, требовалось сначала внимательно разобратся, разведать и вскрыть систему обороны этого важнейшего объекта всего укрепрайона финнов, дабы затем подавить

или хотя бы ослабить огневую мощь, прикрывающую подходы к ДОТу № 45.

Надо сказать, что высшему командованию во главе с командармом К. А. Мерецковым потребовалось немало времени, чтобы наконец разобраться, с чем именно столкнулись войска и что, собственно, делать дальше в этой ситуации.

Финская сторона обороны, открывшаяся перед нашими войсками, внешне представляла собой покрытую чистым снегом холмистую местность без признаков жизни – этакое «белое безмолвие». Но стоило лишь начать наступательное движение, и это безмолвие оживало шквалом пулеметного и артиллерийского огня, хотя по-прежнему было невозможно что-либо разглядеть в этом сплошном снежном пейзаже. И даже тот самый страшный ДОТ № 45 выглядел невысоким и плоским снежным холмом. Кроме того, заметенные снегом, плотными рядами теснились бетонные противотанковые надолбы. При этом количество заградительных линий из колючей проволоки, задерживающих движение пехоты, составляло 5-6, но в особо ответственных местах достигало сорока пяти рядов.

Тем временем лейтенант Иванченко со своими бойцами, выполняя приказ командования, в ночь на 17 января 1940 года начал скрытное выдвижение к ДОТу № 45. Пробиваясь сквозь бесконечные заграждения, Иван Михайлович и связист-телефонист уже достигли первых рядов противотанковых надолб на походе к ДОТу, когда финны засекли их движение. Группа, тащившая взрывчатку, сразу попала под интенсивный пулеметный огонь и вступила в бой. Появились убитые и раненые. «Мне стало понятно, что финны вновь

через тайные траншеи и ходы нас окружают. Я приказал группе выходить из боя. Сам же вместе со связистом остался у надолб и, связавшись с батальоном, попросил огневой поддержки. Как потом выяснилось, друзья нас поддерживали из двенадцати станковых пулеметов. В результате моя группа с потерями, но все же вышла к своим.

Я же со связистом остался, ведя корректировку огня пулеметов по выявляемым финским позициям и огненным точкам. Финны поняли, что кто-то ведет корректировку, и вскоре засекли нас. За нами началась ночная охота. Голову поднять больше было нельзя, и всю ночь мы провели под свистящими и цокающими о бетон пулями.

Мороз в эту ночь достиг 30 градусов. Я обморозил ноги и лицо. Обморозился и связист. Спасло, что с собой была фляжка водки. С рассветом огонь еще больше усилился, но нас стала прикрывать уже артиллерия, и родные снаряды с мощным гулом неслись над самыми нашими головами. Лишь с наступлением следующей ночи мы в темноте сумели выползти к своим. Меня там встретили с небывалым восторгом, как воскресшего из мертвых. Большинство в батальоне не знало о нашей истории, и нас считали погибшими еще той ночью.

Но задача доставки взрывчатки к ДОТу была не завершена, и приказ надо было выполнять. Пока я приходил в себя после обморожений, из состава моей роты была подготовлена новая штурмовая группа. Было решено в этот раз попробовать пробиться днем, дабы постараться заметить, откуда появляются финны, и подавить их огнем. Командовать был назначен младший лейтенант Дончук. Он был на особом счету в нашей роте. Общий любимец, боевой, бесстрашный офицер.

Я часто замечал, что на войне человек предчувствует свою кончину. Так было и с Дончуком, по всему было видно, что у него сильное предчувствие. В ночь перед вылазкой в землянке, где жили офи-



*Потери*

церы, он вдруг попросил всех послушать рассказ про его жизнь. И до полуночи рассказывал нам историю своей недолгой жизни. Ему было всего-то двадцать один год.

Утром я проверил готовность группы, обнялся с Дончуком. Но, увы, вылазка была неудачной, остатки группы едва вернулись, понеся большие потери. Так что в последний раз я увидел Дончука, опуская его в могилу.

Войска несли потери, а результата не было. Это «топтанье на линии обороны» и срыв графика «решения финляндского вопроса» вызвал гнев Сталина. В такой обстановке наступило 1 февраля 1940 года. С самого утра чувствовалось, что происходит что-то серьезное. Шли непрерывные бои на соседних с нами участках. Как потом стало ясно, предпринимались массированные танковые и пехотные атаки с целью подавить соседние с «нашим» ДОТом огневые точки финнов, дабы обеспечить подрыв злополучного «Тертту».

## Подрыв

Поздно вечером 1 февраля меня подняли «по тревоге» и передали приказ командира батальона срочно прибыть в штаб 333-го стрелкового полка, который находился у самого переднего края. Дежурный



*1940 год. Командарм Мерецков К. А. ставит задачу командирам по прорыву*



провел меня в земляной бункер, где уже находился наш комбат И. Е. Коровин и где я увидел командира дивизии и еще двух начальников без знаков отличия в кожаных регланах. Позже я понял, что один из них – командарм К. А. Мерецков, а другой – корпусной комиссар Н. Н. Вашугин. С моим прибытием командир дивизии начал докладывать командарму план захвата и подрыва ДОТа № 45. Согласно с этим планом капитан Коровин назначался ответственным за эту операцию. Я, как уже «знающий обстановку в тех местах», назначался его заместителем и ответственным за доставку необходимого количества взрывчатки и успешность ее применения. Комдив спросил, все ли нам понятно. Мы, естественно, ответили: «Так точно!» После чего впервые заговорил Мерецков: «Задачу надо выполнить сегодня ночью. ДОТ № 45 должен быть уничтожен. Справитесь – считайте себя Героями Советского Союза». Мы переглянулись и ответили: «Разрешите выполнять».

Коровин со штурмовой группой ушел в темноту, к ДОТу. Моей группе был придан танк Т-28 с бронесанями, куда мы загрузили взрывчатку (тротил), детонаторы, капсули, бухты бикфордова шнура и начали движение. Но для танка на этом направлении оказалось слишком много снега, он «захлебывался» в нем и едва полз. Вскоре финны обнаружили эту приметную цель и открыли шквальный артиллерийский и минометный огонь. От танка пришлось отказаться, и весь груз мы потащили на себе.



*Танк Т-28 со штурмовой группой на бронесанях движется к финским укреплениям. Фото 1940 года*

Были заготовлены санки для перетаскивания взрывчатки вручную, с использованием длинных веревок. Таким образом, мы с собой ползком притащили шестьсот килограммов взрывчатки, плюс нашли и подтянули все то, что не смогли дотащить предыдущие штурмовые группы. Коровин был уже у ДОТа, но приступать к главному эпизоду было еще рано. Для успешного исполнения приказа нужна была еще взрывчатка, и моя группа продолжила «ползать» и таскать. Изначальное наше решение было таким: укладывать ящики с толом на крышу ДОТа, чтобы взрывом ее «провалить». Но теперь, подойдя ближе, нам стало видно, что на его крыше лежит значительный слой снега, а для успешного подрыва нужен непосредственный контакт с бетонной поверхностью. Задание командарма должно было быть выполнено гарантированно, промашки быть не могло. Значит, крышу надо было очистить, и я дал команду рядовому Пасашкову приступить к очистке. Но, едва он поднялся наверх, раздался одиночный выстрел, и боец свалился обратно к нам с ранением в плечо.

Ситуация осложнилась. Мы посоветовались с Коровиным и решили послать опытного младшего сержанта Журавлева с заданием снег чистить лежа, не подымаясь. Журавлев аккуратно заполз на крышу и тут же вновь раздался одиночный выстрел, и сержант скатился к нам с ранением в голову через каску, да еще и разрывной пулей...

Стало ясно, что финны успели восстановить на крыше ДОТа плоскую бронированную вращающуюся башню, еще недавно уничтоженную нашей артиллерией. Это было для нас большой неожиданностью – крыша ДОТа вновь была для нас недоступна. Проломить же его с передней части было абсолютно исключено, толщина бетона и камней здесь доходила до восьми метров.

Значит, оставались лишь боковые стороны, там, где непрерывно работали вражеские пулеметы и подходы к которым контролировались и также тщательно простреливались соседними огневыми точками финнов. Единственное, что давало надежду на успех, – так это те активные боевые действия, что вели наши боевые товарищи справа и слева от нас, обеспечивая выполнение поставленной нам командармом задачи.

Мы с Коровиным посоветовались и решили обходить ДОТ справа. Наша группа переползла к правой, восточной стороне ДОТа, туда же

мы перетасили и тысячу сто килограммов тротила. Группа залегла, укрывшись от пулеметных очередей за высокой обваловкой ДОТа, через которую теперь надо как-то было перелезть, чтобы потом успеть прижаться к бетонной стене, оказавшись под страшной, сеющей смерть амбразурой. То есть сделать этот прыжок надо было перед самым лицом вражеского пулеметчика, в трех метрах от него.

«Кого пошлем? – спросил я комбата. – Кто-то должен перемахнуть туда». «Я сам пойду», – заявил Коровин. «А кто будет завтра командовать батальоном? – спросил я тихо. – Так рисковать здесь тебе, Иван, нельзя». «Пошлем члена партии, старшего сержанта Борисова, – сказал я уже громче. – Он сумеет, у него получится». Почему-то у меня такая была уверенность, так же как и в том, что если пойдет сам комбат, то его убьют.

Борисов ответил: «Есть!», весь приготовился, собрался с духом и пошел «перемахивать» через обваловку. Мы все замерли. Тут же раздалась длинная пулеметная очередь, и Борисов исчез. Все переглянулись и потупились: по всему получалось, что погиб наш Борисов.

Но прошло немного времени, и мы увидели его стоящим под самой амбразурой, в «мертвом пространстве», – он подавал нам сигналы начинать подачу взрывчатки. Теперь все получалось – и вскоре целый штабель наших ящичков с зажигательными трубками и детонирующими шнурами был перетасен и уложен у стены ДОТа № 45. В завершение ящичками была заложена и амбразура. Пулемет наконец замолк.

Пока не опомнились финны, мы стали спешно отходить, растягивая за собой бухту детонирующего шнура. Отойти надо было метров на 700-900. Все залегли, и комбат поджег трубку. Было около шести часов утра. Я укрылся за толстой сосной и наблюдал. Взрыв был колоссальной силы. Высоко в небо поднялось огненное пламя, и тут же дошедшая к нам сильнейшая взрывная волна стала валить все деревья вокруг. Мое дерево, правда, устояло.

Комбат поднялся и подал уставную команду: «Вперед! За Родину! За Сталина!», но никто не шелохнулся – бойцы продолжали лежать в снегу, как зачарованные. Тогда Коровин страшно заорал и побежал вперед, рядом бежал я и наш комсорг. Тут, наконец, очнулась и вся наша штурмовая группа и ринулась за нами.



*В жилых помещениях  
взорванного финского ДОТа*

Подбежав к месту взрыва, мы увидели, что ДОТ «мертв». Его боковая часть лежала отколотой, и было тихо. Мы с опаской вошли в него и осветили внутреннее пространство фонариками. Впечатление было страшное. Помещения были наполнены финнами, мы потом их насчитали 39 человек. Весь состав гарнизона был мертв. ДОТ имел два этажа. Верхний – боевой, и нижний – жилой. Все

остались там, на месте, где их застал взрыв. Кто ел, кто спал, кто что делал, так и скончались...

Сразу после взрыва вокруг установилась полная тишина, даже на всем фронте стрельба прекратилась с обеих сторон. Так продолжалось где-то минут двадцать, после чего началось такое! Этот бой был одним из тяжелейших. Финны бросили все имеющиеся силы, дабы вернуть себе ДОТ «Тертту».

Перекрикивая разрывы снарядов и мин, я пытался найти комбата, но его нигде не было видно. Было непонятно, что с ним случилось, но времени для размышлений уже не было – надо было организовать круговую оборону ДОТа. Из оружия у нас были лишь винтовки и гранаты. Ничего более серьезного мы с собой не брали, поскольку главной задачей было доставить взрывчатку. Стали налаживать использование финского оружия. Заработали пулеметы «Максим» из финских трофеев. Вскоре к нам пробилось подкрепление. Весь следующий день шел бой, финны приступали очень крепко. В наступившую затем ночь из моей роты мы сформировали еще одну штурмовую группу под командованием младшего лейтенанта Кучерова Ф. Я. и они также успешно взорвали еще один, соседний, ДОТ, запиравший нынешнее Средневыборгское шоссе.<sup>9</sup> Оборона

<sup>9</sup> За этот подвиг младшему лейтенанту Францу Яковлевичу Кучерову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 477). Но вскоре при разминировании одного из домов в финской деревне, Кучеров получил тяжелое ранение глаз и ослеп. Жил в Бердичеве.

финского укрепрайона Сумма – Хотинен была прорвана, и наши войска двинулись на Выборг».

То, что было дальше, Иван Михайлович в своей книге не записал, и я воспроизвожу последующие события так, как запомнил с его слов.

«Капитан Коровин объявился живой и здоровый. Когда тем утром 2 февраля мы принимали бой в разрушенном ДОТе, он уже находился в штабе дивизии, рапортуя о выполнении задачи, поставленной нам командармом Мерецковым, со словами: «Я лично подорвал этот ДОТ». Это известие было срочно доложено в штаб армии, и командир полковник Ермаков передал Коровину слова Мерецкова: «Пусть считает себя Героем Советского Союза». Таким образом, ни на словах, ни в дальнейшем, в своем письменном рапорте меня Коровин не упоминал, хотя задача ставилась нам обоим, равно как и обещание наградить нас за ее успешное выполнение.



*Внук Ивана Михайловича, Александр Баданин, у одного из углов ДОТа № 45 «Тертту», взорванного его дедом в 1940 году. Июнь 2013 года*

После завершения в марте Финской кампании и получения звания Героя Коровин быстро стал продвигаться по службе. Я следил за этой «звездой героя», наблюдал, какова будет ее дальнейшая судьба. Он получил майора, закончил Военную академию РККА, затем стал





*Командир роты лейтенант Иванченко со своими офицерами.  
Финская кампания. 1940 год*

подполковником. Великую Отечественную уже встретил командиром корпуса. И вот наступил новый 1942 год. Командиру корпуса Коровину приглянулась некая девушка – мединструктор. Он стал ее активно помогать. Она ему отвечала, что у нее есть жених – офицер, командир роты, и они уже с ним помолвлены и хотят расписаться. С этим вопросом к нему обращался и офицер, подтверждая слова девушки. Тем временем наступило празднование Нового года, и командарм стал требовать к себе в землянку мединструктора. Она отказалась идти, понимая истинную причину вызова. Тогда уже прилично выпивший Коровин сказался больным и потребовал медицинской помощи. Девушка встречала Новый год в компании, со своим женихом офицером, но по такому случаю была вынуждена прийти к командиру корпуса. Тот вновь начал ее домогаться. Оставшийся офицер, видя, что невеста не возвращается и почувствовав неладное, пошел выяснять в штаб корпуса. С трудом преодолев сопротивление адъютантов, он вошел в помещение и увидел происходящее. Пьяный Коровин, рассвирепев, потребовал, чтобы офицер вышел. Но тот отказался выйти без своей невесты. Взбешенный ком-

кор, достав револьвер, сказал, что приказывает ему выйти. Офицер отказался выполнить этот приказ. Коровин выстрелил в офицера и убил его. Потом был трибунал. Коровина разжаловали в рядовые, лишили всех наград. Говорили, что он погиб в первом же бою».<sup>10</sup>

Как я и говорил, все это, как и многое другое, Иван Михайлович даже не упомянул в своих воспоминаниях, и я записал эту историю про «угасшую звезду», так, как запомнилось мне из тех наших давних доверительных бесед про войну и про жизнь...

## 1941 год

Про начало войны сейчас написано немало. Но вот что хотелось бы припомнить из рассказов Ивана Михайловича.

Для него первые месяцы войны неразрывно связаны со страшным смрадом, висевшим в воздухе. От этого запаха разлагающихся трупов было некуда спрятаться. То, что наши бойцы оставались лежать непогребенными, было в той ситуации, увы, вполне



*Июнь 1941 года*

<sup>10</sup> Сейчас в интернете опубликованы списки лишенных звания Героя Советского Союза. Подполковник И. Е. Коровин там упоминается, но почему-то как лишенный звания в 1949 году и, в отличие от иных участников списка, у него причина лишения звания не указана. На одном из сайтов также имеется биография Коровина, весьма путанная и противоречивая в части, касающейся Отечественной войны и послевоенных событий. Попытки уточнить источники этих сведений у автора публикации Н. В. Уфаркина оказались безуспешными по причине недавней кончины последнего.



*Наступление немцев. 1941 год*

объяснимым, но Иван Михайлович свидетельствовал, что в первые недели «блицкрига» и немецкие солдаты тоже не захоранивались. То есть идеология их непрерывного, безостановочного наступления довлела во всем и была так сильна, что вопрос погребения всех тех, кто остался лежать далеко позади, был отложен на потом.

Интересной была мысль Ивана Михайловича о тех немцах, что начали войну, о том, какие они были в то время и как разительно они отличались от немцев последующих лет сражений. «Немцы первых



*Офицер Иванченко в 1941 году*

месяцев войны были как будто заговоренные, их будто бы ничто не брало. Они были как механизмы, которые невозможно остановить. Мы ведь тоже прошли боевую закалку, и Финская была тяжелой практикой, и другие «горячие дела» в Прибалтике, Бессарабии... И я сейчас со всей ответственностью говорю, что мы с первых дней очень крепко сражались с немцами и держались по настоящему до конца, бились отчаянно и стояли насмерть. Но они были словно запрограммированы на победу, я сказал бы даже, что они обезумели в своем движении вперед.



Все изменилось только после Москвы. Жестокое, смертельное противостояние наше, конечно, продолжилось. И оно было очень трудным, на пределе сил, но оно стало уже вполне реальным и понятным, и того «заколдованного немца» больше не было. То прежнее, необъяснимое, фатальное больше не довлело, оно улетучилось».

## В «плен»

Идея «блицкрига», так победоносно воплощенная в Европе, в Польше и Франции, неумолимо развивалась и в немецком наступлении 1941 года. Танковые клинья немцев прорывали оборону и уходили далеко вперед, громя наши тылы, лишая всякого снабжения и психологически создавая у нас впечатление, что мы действуем уже в тылу, в окружении. Кроме того, абсолютное их господство в воздухе позволяло им делать с нами что угодно...

Поэтому, вспоминая первые месяцы отступлений и выходы из окружений, Иван Михайлович говорил, что в то время немцев не интересовали не только брошенные трупы, но и брошенные живые солдаты.



*Живые и мертвые*



*Сдача в плен. Июнь 1941 года*

Когда старший лейтенант Иванченко, выходя из окружения, собирал разрозненные группы солдат, кого с оружием, кого так, то тактика движения к своим, в сторону далеко ушедшего на восток фронта, была следующей. Шли лесами, болотами, но чаще бесконечными полями, при этом внимательно осматриваясь вокруг. Задача была первыми увидеть немцев. Как только их замечали, сразу же срочно укладывали оружие (практически все уже без патронов) и документы в приметном месте и все поворачивались, как бы идя на запад. Вскоре подъезжали немцы.

«Немцы ехали когда на мотоциклах, когда на машинах, когда на лошадях. Обнаруживая нашу команду, они окружали нас, наводя на нас оружие. Мы отвечали им жестами, как бы спрашивая: “Плен? Где плен?” Тогда они довольно ухмылялись и показывали нам руками на запад. Мы согласно кивали и якобы начинали плестись в указанном нам направлении, изображая хромых и несчастных. Немцы уезжали дальше по своим делам. Мы, же дождавшись, когда они скроются из вида, быстро возвращались за оружием и документами и опять энергичным маршем двигались на восток.



Что больше всего осталось в памяти, так это невыносимая, мучительная жажда. Стояла страшная зловонная жара, и не было никакой возможности добыть воды. Это было страшнее всего».

### Трижды «убитый»

За всю войну, рассказывал Иван Михайлович, ему три раза приходилось притворяться убитым. Впервые как раз из-за этой жары и жажды. «Мы подошли к деревне, практически сожженной, но желанный колодец с “журавлем” сразу заприметили. Осмотрелись, вроде немцев не видно. К колодцу с фляжками пошел я и еще один боец. У этого колодца, видно, бой был жестокий. Наши ребята кругом лежат, мухи тысячами роятся... Только мы хотели опустить “журавль” в колодец – шум мотора и появляется машина с немцами. За ней еще колонна с мотоциклистами проехала мимо. А эти на машине приехали бидоны водой наполнять, весело, с губной гармошкой. Ну, мы и упали вповалку на трупы наших солдат. Задача одна была: чтобы только рвать не начало. Лежим, не шевелимся, дышать просто нечем. А они неспешно, со смехом и разговорами, набирают “бесконечные” свои бидоны, термосы большие армейские. Все же вытерпели мы этот ад. Живы остались и водой запаслись».



*Солдаты Вермахта у колодца*

«Второй раз с мертвыми нашими бойцами в одной компании время проводить мне довелось уже в сорок втором, в конце мая месяца.

Это было время тяжелой битвы под Харьковом, когда весь наш Юго-Западный фронт оказался в окружении. И вот в то время, как все войска беспорядочно откатывались на восток, мне дали приказ взять



*В одной из деревень в июне 1941 года*

машину-полуторку и ехать на запад. Была поставлена задача отыскать нашу первую роту, которой был дан приказ прикрывать отход войск и держать оборону на мосту у городка Купянска. К тому времени мы находились уже в километрах семидесяти от Купянска, и мне подумалось, что приказ этот не слишком реален. Однако надо его выполнять.

Успев проехать лишь около тридцати километров, я увидел наших танкистов, спешно поджигавших свои танки без горючего и без боезапаса. Впереди сплошным фронтом двигались немецкие танковые колонны, в воздухе висела их авиация. Стало ясно, что нашей первой роты уже давно нет. Едва успев поджечь нашу полуторку, мы с танкистами бросились в лес. Со мной было шесть человек офицеров и сержантов. Теперь нам надо было выбираться к своим, на восток.

Немцы в хорошем темпе на машинах двигались по дорогам, а нам приходилось идти тайно лесами, полями. Питались чем придется, вода тоже попадалась редко. Бывало, пили дождевую воду из вмятин на дорогах, что оставались от копыт немецких лошадей...

Так вот, как-то вечером, измученные и голодные, мы зашли в одно село. Многие дома в селе были сожжены, еще развалины дымилась и трубы печные одни торчали. Значит, бой тут не так давно был. При этом вроде как немцев было не видно и не слышно. Я сказал ребятам, чтобы ждали в огородах, а сам решил зайти в деревню: может, еды, хоть какой дадут. Тихонько подошел к одной хате, тут только увидел, что наши бойцы убитые в канаве лежат. Их, видно, туда поскидывали с дороги, но пока еще землей не прикапывали. Ну, думаю, на всякий случай, если что – будет, где отлежаться.

На крыльцо поднялся, только хотел постучать, а дверь сама открылась и хозяйка выходит. Как меня увидела, глаза округлились и вся остолбенела, да знаками, глазами, мне показывает за спину...

Тут меня всего как пронзило – в доме «фрицы» квартируют. А тут и голоса их немецкие услышал. Чувствую, уже сюда идут. Я с крыльца да в канаву, к братишкам своим, бросился и весь на них распластался.

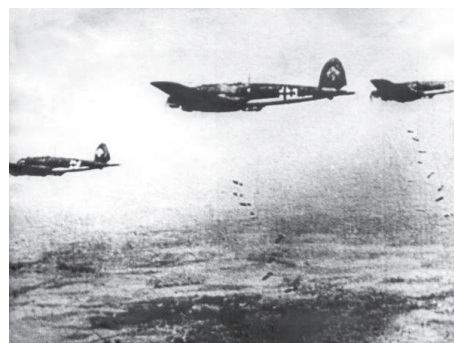
Немцы на крыльцо вышли покурить. Чую запах сигарет хороших. Наши-то ребята, слава Богу, еще совсем недавно полегли, так что запаха того страшного, нестерпимого нету. Лежу, стараюсь не дышать, да только сердце-то колотится как бешеное, все во мне пульсирует, каждая жилка, – думаю, точно сейчас заметят. Вся надежда на то, что уже смеркалось. Тут мимо по дороге патруль их прошел: оказывается, охранение-то налажено, а мы этого и не заметили. Регулярно рядом с головой моей сапогами топали, прохаживались. Так и лежал я, пока совсем не стемнело да пока все спать не улеглись. Ребята меня дождались – они все это мое приключение издалека видели».

Это было начало выхода из окружения под Харьковом. Для старшего лейтенанта Иванченко оно длилось два с половиной месяца и завершилось в августе 1942 года на реке Дон.

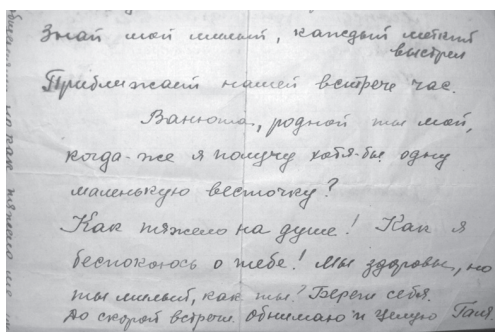
Третий случай, о котором рассказал Иван Михайлович, был уже под Сталинградом. Он тогда был комбатом в звании капитана. Ивану Михайловичу, как можно заметить, со званиями и награ-



*Комбат капитан Иванченко  
с офицерами в 1943 году*



*Самолеты «Люфтваффе»  
в небе над Сталинградом. 1942 год*



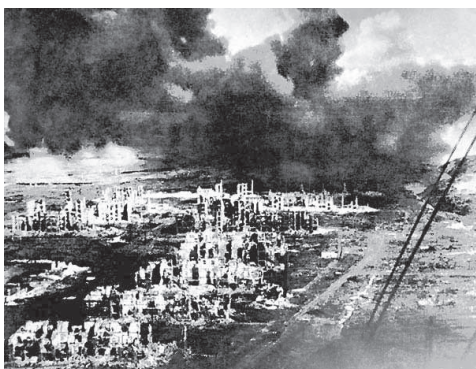
Строки одного из бесчисленных писем  
Анны, отправленных ее Ване  
на фронт.

дами не слишком везло. Когда после Финской ему присваивали «старшего лейтенанта», то в приказе было сказано «с выслугой один год» (как особо отличившемуся), то есть уже через год положено было присвоить звание «капитан», – что, собственно, и было выполнено в самом начале войны приказом НКО. Да, только приказ этот никто Ивану Михайловичу в той обстановке не зачитал, и «капитана Иванченко», чтобы поздравить, отыскать тоже было трудно. Потому это очередное звание сообразили присвоить уже много позже, новым приказом по Юго-Западному фронту во время боев в Сталинграде. Наверное, здесь, как в поговорке, кому не везет в этой «игре» званий и карьеры, тому, значит, везет в любви. И выигрыш здесь – сохраненная жизнь и семейное счастье.

Про Сталинград Иван Михайлович говорил кратко: «Сталинград был сплошным адом». И добавлял: «Тогда как раз вышел приказ НКО № 227, известный в народе как «Ни шагу назад!», так вот, я прямо скажу: таких жесточайших боев, как в донской степи и в Сталинграде, еще никогда в истории не было».

Батальону капитана Иванченко была поставлена задача обеспечить непрерывное поступление через Волгу в осажденный Сталинград пополнения в живой силе, технике и боеприпасах. Для этого надо было строить причалы и наводить мосты, понтоны и прочее – и все это под непрерывным жесточайшим огнем противника. «Пикирующие бомбардировщики немцев буквально висели в воздухе, разнося в щепки все, что мы пытались возводить. Все нефтебазы на берегу были разбомблены. Нефть стекала в реку, и вся Волга полыхала на протяжении семидесяти километров. Густой черный дым покрывал город и окрестности. Но мы работали и работали, и пополнение в Сталинград шло безостановочно день и ночь. Также непрерывным потоком обратно везли тяжелораненых. Многие не дости-





*Руины Сталинграда. Осень 1942 года*



*Разбомбленная немцами переправа*

гали спасительного левого берега – немцы бомбили и обстреливали переправу непрерывно».

Именно в это время и наступил «третий случай» Ивана Михайловича. «Как-то раз надо было срочно переправиться мне на другой берег. Было четыре часа утра. Я взял солдата, и на небольшой рыбацкой лодке мы погребли через Волгу. И хотя еще стояли утренние сумерки, нас сумел заметить «Мессершмитт-109». Он прошелся низко над нами и, развернувшись, вышел в атаку. Обстреляв нас, летчик, видно, не удовлетворился и развернулся для нового захода. Теперь его пулеметные очереди прошли воду совсем рядом с лодкой.



*К началу контрнаступления под Сталинградом батальон Ивана Михайловича уже мог возводить надежные мосты*



Мы стали грести изо всех сил, но «широка ты, Волга-матушка», а мы были на самой середине реки. Тем временем истребитель разворачивался для новой атаки. Надо было что-то делать, и я приказал солдату бросить весла и свеситься с борта, притворившись убитым, то же самое сделал и я. «Мессер» с воем устремился на нас, я весь сжался, ожидая свинца, но очередей не последовало. Немец поверил и улетел. Вскоре мы достигли желанного берега».

## Первый бой

«Первые месяцы войны воевать было крайне тяжело из-за полного превосходства немцев в воздухе. Как известно, в первый день войны было уничтожено 800 самолетов на аэродромах и 400 в воздухе. Если в самом начале войны мы еще видели небольшие сражения в воздухе наших И-16 («ишачков») с немецкими «мессерами», то в дальнейшем немцы делали с нами что хотели. По сути, вся наша боевая жизнь сопровождалась жесточайшей бомбардировкой. Тем не менее, на сухопутном фронте мы дрались крепко.



*Взорванный мост с немецким танком. 1941 год*

Через два дня после начала войны, 24 июня 1941 года, я получил приказ принять командование вновь сформированным саперным батальоном под номером 90. Это был номер моего родного батальона еще со времен Финской войны. Как оказалось, тот прежний мой батальон весь poleg на границе, где строил укрепления и где 22 июня его застала война.

Итак, 26 июня мой новый батальон № 90 был сформирован и начал окапываться недалеко от Острошицкого городка под Минском. И тут же 27 июня буквально на наших глазах 3-я танковая группа генерала Германа Гота заняла его. Немцы рвались в

Минск. Меня вызвал командир дивизии генерал Русиянов И. Н. и поставил задачу – мне лично взять роту и не допустить продвижения немецких танков от Острошицкого городка на Минск. Для этого надо взорвать мосты, поставить минные заграждения, сделать лесные завалы и т. п. Сделав марш-бросок, мы приступили к подрыву трех мостов и минированию дорог.

Когда я находился у одного из мостов, внезапно появились немецкие мотоциклисты, а за ними послышался гул приближающихся танков. Мы залегли и приготовились к бою. Как только мотоциклисты переехали через мост, мы открыли по ним огонь и всех их уничтожили. Тем временем танковая колонна въехала на мост, но тут мы его взорвали. Три танка оказались в ловушке среди обломков моста. Танкисты стали выскакивать из них, и также были уничтожены нами. Мои бойцы быстро добрались до немецких машин и, заложив под ними мины, подорвали. Танки, оставшиеся на той стороне моста, открыли по нам огонь, но безуспешно – уже наступала ночь. За эту ночь мы успешно закончили минирование дорог и возвратились в дивизию».

## Иван Иванченко и Минский пивзавод

«Генерал Русиянов, выслушав мой доклад, поставил новую задачу: немедленно взять взвод солдат и выехать в Минск на пивной завод. Видя мое недоумение, он пояснил, что необходимо привезти как можно больше пустых бутылок.

Именно так, под Минском, у нашей пехоты появилось новое тактическое оружие борьбы с танками, то, что позже стали называть «коктейлем Молотова». Раньше у нас в армии такое не применялось, но я знал, как активно против наших танков такие бутылки с зажигательной смесью исполь-



*Наши бойцы готовят бутылки с зажигательной смесью – «Коктейль Молотова»*



*Горящие немецкие танки*

зовали финны. Мы быстро выполнили приказ комдива и изготовили первую партию бутылок. Уже на второй день немецкие танки по всему полю боя горели как свечки. Именно тот почин генерала Русиянова и опыт эффективного применения этого оружия в оборонительных боях нашей 100-й стрелковой дивизии повлек

дальнейшее изготовление таких простейших “зажигательных гранат” в промышленном масштабе.<sup>11</sup>

Несмотря на жесточайшие бои, остановить продвижение немцев нам тогда не удалось. Силы были неравны. Но наша дивизия дралась очень достойно, генерал Русиянов был прекрасный командир. Позже в немецких документах нашли записи, что в этих боях мы нанесли тяжелый урон частям 39-го моторизованного корпуса 3-й немецкой танковой группы генерала Гота. После появления на фронте тех “бутылок с Минского пивзавода” Готом были отданы приказы с большей осторожностью применять танки в боях с дивизией Русиянова».

## Под Ельней

«19 июля 1941 года танки Гудериана “на плечах” нашей отступающей дивизии (а фактически – небоеспособных ее остатков) сумели занять Ельню. Но дальше мы их уже не пустили. Началась позиционная война – немцы оборонялись.

В двадцатых числах июля мой батальон наконец получил пополнение, но вскоре из всех подразделений стали поступать сообщения о массовом заболевании поносом с подозрением на дизенте-

---

<sup>11</sup> 7 июля 1941 года Государственным Комитетом Обороны было издано постановление за подписью Молотова «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)», которое обязало Наркомпищепром организовать снаряжение стеклянных бутылок огнесмесью по определенной рецептуре.

рию. Срочно прибыли врачи, начальники продслужб. Вскоре выяснилось, что это массовое явление так называемой “медвежьей болезни” – расстройство желудка на почве нервного напряжения, вызванного страхом смерти. Пришел слишком большой процент пополнения личного состава из еще необстрелянных новичков, и в подразделениях начался всеобщий мандраж. Врачи раздали успокоительные препараты, и заболевания прекратились. Очень скоро все стали более чем обстрелянными, ибо началась жесточайшая и кровопролитная битва под Ельней. Ежедневно мой начштаба отправлял массу похоронок. Деревня Ушаково рядом с Ельней, где действовала наша дивизия, переходила из рук в руки по пять-шесть раз в день».

В сентябре 1941 года за массовый героизм, мужество личного состава, высокое воинское мастерство нарком обороны СССР И. В. Сталин присвоил 100-й стрелковой дивизии, в которой дрался батальон старшего лейтенанта Иванченко, звание 1-й Гвардейской с вручением гвардейского знамени. Но это известие Иван Михайлович получил уже на госпитальной койке.

## Ранение

«14 августа меня и дивизионного инженера вызвал к себе командир дивизии и поставил задачу, напомнившую мне мою боевую юность на линии Маннергейма. “Немецкие ДЗОТы<sup>12</sup> на высоте 166,2 ведут по нам губительный огонь, – сказал генерал Русиянов, – и мы не можем поднять пехоту в атаку. Приказываю взорвать эту высоту вместе со всеми огневыми точками”.

Мы вышли от генерала, мягко говоря, озадаченные. Я вспомнил Финскую и доложил командиру нашего 331-го полка свое предложение. Из рот моего батальона формируем две штурмовые группы, которые пройдут в атаку вместе с полком и понесут взрывчатку к ДЗОТам. Наступление этих рот я возглавлю лично. Находиться буду в 1-й штурмовой группе 1-й роты лейтенанта Герасименко.

<sup>12</sup> Деревоземляная огневая точка (сокращенно ДЗОТ) – термин для обозначения оборонительного полевого фортификационного вооруженного сооружения.



*В атаку*

Перед атакой с командирами мы обговорили и согласовали все до мелочей. Не в наших силах было спланировать лишь одно: кто из нас будет ранен, а кто убит.

В три часа ночи началась артподготовка. Продолжалась она минут сорок. После чего мы пошли в атаку на высоту. После артобстрела немцы

быстро оправались, заняли свои боевые позиции и открыли по нам губительный огонь. Мы залегли. Ночные сумерки быстро уходили, наступало утро. Дальше лежать перед ДЗОТами было смерти подобно. Оставалось лишь немедленно начать бежать вперед и захватить высоту или умереть.

И тогда поднялись офицеры, коммунисты, поднимая людей в атаку, и теперь уже все ринулись вперед на высоту. Вскоре в окопах немцев завязалась рукопашная схватка. Я видел, как лейтенант Герасименко со взрывчаткой в рукопашную прорвался через немцев и, ворвавшись в ДЗОТ, подорвал его. Было очевидным, что при этом он неминуемо должен был получить тяжелые ранения. Я с пистолетом и с криком “За Родину!” бежал рядом и был уже в двух шагах от ДЗОТа, когда неожиданно для себя как бы споткнулся и упал. Хотел вскочить и бежать дальше, но встать уже не смог. Я выбыл из строя – ранение в ногу. Но тем не менее огневые точки врага были уничтожены, высота была наша. Приказ комдива был выполнен.

Вскоре ко мне подполз санинструктор, разрезал сапог и, перебинтовав ногу, на плащ-палатке оттянул меня до наших окопов. Далее на подводе меня отвезли к полевому пункту медпомощи. Со мной везли нашего героя – тяжело раненного лейтенанта Герасименко. Но до медсанбата он не дотянул, скончался по дороге. Потом нас всех, раненых, везли на машинах, и самолеты немцев на нас регулярно выходили в атаку. Кто из раненых был на ногах и мог отбежать, прятался в обочинах. Я не мог – и глядел, как на меня пикируют “мессеры”.



В медсанбате мне сделали все, что могли, и вскоре погрузили на транспортный самолет. Таким образом я попал в тыловой госпиталь в Калужской области».

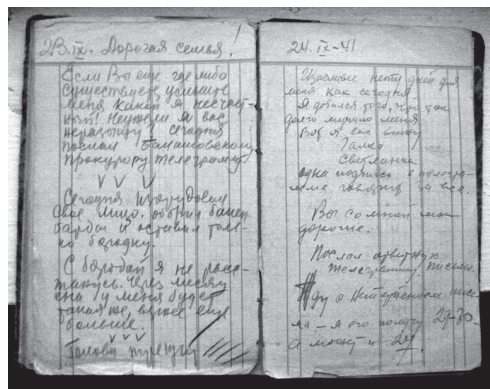
## На лечении

Ранение у Ивана Михайловича оказалось серьезным. Началась гангрена, и врачи стали настоятельно советовать старшему лейтенанту Иванченко, пока не поздно, отнять ногу до колена. «От ампутации я решительно отказался. Провели рентген и вновь настаивали на операции по ампутации. А у меня тоска, и в голове лишь одна мысль: где моя семья? Завтра, 19 августа, день рождения моей любимой Галки – где ты, моя родная? Я все силы положу, чтобы отыскать тебя!

21 августа, на мое счастье, осмотреть раненых приехал замечательный русский врач, в то время главный хирург РККА Николай Нилович Бурденко. Он остановился у моей койки. Ему доложили ситуацию. Он спросил меня, почему я отказываюсь от ампутации. Я ответил, что нога моя непременно поправится, если только я разыщу свою семью. Мне надо помочь найти моих родных, и тогда никакая ампутация не понадобится. Профессор о чем-то поговорил с врачами, и мне сообщили, что принято решение отправить



Август 1941 года. В госпитале под Калугой после ранения



Страницы фронтового дневника:  
«Счастливейшего сегодняшнего дня нет у меня. Вы со мной, мои дорогие!»

меня в госпиталь в Куйбышевскую область, ближе к тем краям, куда было эвакуировано большинство семей офицеров. Все это для того, чтобы я мог спокойно разыскивать там свою семью и поправляться.

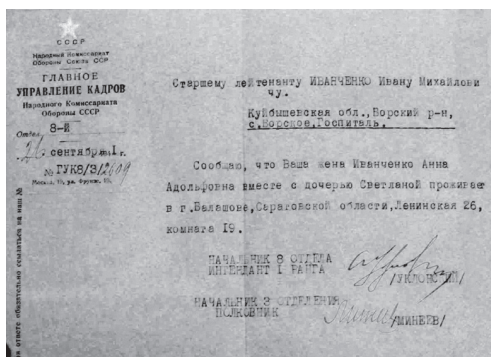
Через три дня санитарный поезд доставил меня в новый госпиталь под Куйбышевом (Самарой).

Рана моя мучила меня нескончаемо, и день, и ночь. Также бесконечно тосковала моя душа. Все мои многочисленные запросы с оплаченными ответами результата не давали. Из дневника того времени: «Вот и осень. Скоро зима, а на сердце камень. Он тянет меня куда-то вниз, наверное, ко гробу... В окно палаты смотрит луна – на ней отчетливо виден крест. Как тяжело...»

Лишь в конце сентября наконец пришла радостная весть – семья офицера И. М. Иванченко зарегистрирована по месту жительства в городе Балашове.

В октябре ВВК госпиталя предоставила старшему лейтенанту Иванченко месячный отпуск по ранению. Долгожданная встреча состоялась.

Рана заживала долго и мучительно, и лишь в феврале 1942 года Иван Михайлович смог убыть в действующую армию, на Юго-Западный фронт.



*Долгожданное известие: семья старшего лейтенанта Иванченко находится в г. Балашове*

## Река Дон

Вновь возвратимся к воспоминаниям Ивана Михайловича о его выходе из окружения в конце мая 1942 года. Наиболее яркие события тех дней были связаны с рекой Дон. Тогда оказавшиеся в окружении войска Юго-Западного фронта с боями сумели частично откатиться за реку Дон. Именно туда, к Дону, и двигалась выходящая из глубокого немецкого тыла группа старшего лейтенанта Иванченко.

«Идти нам можно было только ночью, днем скопление немецких войск было столь велико, что любое движение исключалось. Лишь

только к концу июня мы наконец добрались до передовой линии фронта, вышли к реке Дон. Вышли мы ранним утром, в сумерках. Кругом были немецкие боевые позиции. Рядом с нами в поле паслись их лошади и была слышна немецкая речь ездовых.

Я, как старший, поставил задачу группе: “Дон будем переплывать следующей ночью. Для этого нам нужно будет остатки этой ночи и целый следующий день, практически среди немцев, не шевелясь пролежать в нескошенном пшеничном поле. Если кто не выдержит, пошевелится или как-то выдаст нас, я его сразу расстреляю. И потом мы вступим в бой и примем смерть”. Все ответили, что всё поняли и согласны.

Следующая ночь выпадала на мой день рождения – 29 июля. Я очень рассчитывал, что смогу еще раз родиться в этот день.

Совсем рядом с нами стояла артиллерийская батарея, и немцы под самым нашим ухом вели огонь по другому берегу. Лежать неподвижно, дабы не пошевелить колосья, было мучительно тяжело, и пить хотелось смертельно. Но мы это выдержали.

Наступила ночь, вошла луна. Надо сказать, что немцы были самоуверенны и беспечны – они спокойно спали у своих орудий и пулеметов. Один из моих старшин с солдатом не выдержали и задавили двух спящих немцев, уничтожив таким образом расчет станкового пулемета.

Спустившись к реке, я тихонько спросил, все ли умеют плавать. Один молодой солдатик признался, что практически не умеет и такую реку не переплывет. Я сказал, чтобы вел себя тихо и держался ближе ко мне. Плыть надо не плеская руками, держа в руках обмундирование и документы, а мне еще и пистолет с собой нести. А иначе, без этого “груза”, будут большие проблемы, когда доберемся до своих. Но самое главное – не всполошить немцев.

Мы вошли в темную воду и поплыли. Буквально через минуту старший лейтенант, связист (он прибил к нам совсем недавно), закричал во весь голос: “Спасите, тону!” На берегу за нашими спинами начался переполох, взлетели осветительные ракеты – и по нам открыли огонь из пулеметов. Связист наш вскоре замолк. Я плыл из последних сил. Пули свистели и брызгали вокруг фонтанчиками. Но я даже о них не думал, потому что чувствовал, что и так сейчас утону. Сил плыть у меня больше не осталось...

Вниз, в глубину, тянули сапоги и обмундирование, что на офицерском ремне висели у меня на шее. Не выдержав и понимая, что наступает конец, я скинул их с себя, и связка эта стала уходить на дно. Но тут же возникла мысль: в чем же я появлюсь перед начальством и как буду теперь докладывать? И тогда – откуда только силы взялись? – я нырнул и успел ухватить уплывающие вещи. И тут же наткнулся на дно. С силой оттолкнувшись от дна в сторону берега, я внезапно очутился на береговой отмели и в бессилии впал в забытие. Вскоре придя в себя, я обнаружил рядом со мной лежащего того самого солдата, «не умеющего плавать». Всего нас перебралось на этот берег шесть человек. Придя в себя и отдышавшись, мы надели обмундирование, проверили документы и двинулись в расположение наших частей.

Вскоре я уже докладывал в штабе батальона историю нашего выхода из окружения и последние наши разведанные по расположению немцев на том берегу. Все мы были затем направлены на сборный пункт поступающих из окружения солдат и офицеров».

То, что было дальше, Иван Михайлович решил «не вспоминать». Дело в том, что направлены на «сборный пункт» были все, кроме командира этой группы, старшего лейтенанта Иванченко. Поскольку 12 июля 1942 года Юго-Западный фронт был расформирован, то части, стоявшие на Дону, были совсем незнакомые. Ивана Михайловича вызвали в штаб полка, где он изложил историю его выхода из окружения. Но эта его история, видимо, показалась какой-то подозрительно благополучной: в конце мая оказаться в окружении в немецком тылу – и к концу июля все же суметь добраться до своих...<sup>13</sup> Кроме того, майору, представителю особого отдела, явно «не понравился» его орден «Красного Знамени», слишком был молод офицер для такой награды. «Особист» стал задавать Ивану Михайловичу вопросы, суть которых сводилась к следующему: «Вы говорите, что Вам был дан приказ разыскать 1-ю роту, державшую оборону у моста речки Купянки. Вы не выполнили приказ, не нашли роту, бросили людей, не вывели их из окружения, а спасали свою

<sup>13</sup> В результате окружения Юго-Западного фронта под Харьковом в плен попало 200 тысяч человек.



шкуру». Беседа принимала неожиданный и страшный оборот. Присутствовавший при этом разговоре некий подполковник, видимо, начальник штаба, хорошо понимая, к чему клонит рьяный «особист», похоже, пожалел Ивана и, решив спасти молодого офицера, «грозно» обратился к нему с вопросом: «Скажите, товарищ старший лейтенант, вот Вы перебрались на этот берег? А Вы уверены, что на той стороне не остались люди, бойцы той 1-й роты, которые также сейчас выходят из окружения? Отвечайте!» Старший лейтенант Иванченко, естественно, ответил, что, нет, не уверен. «Ну так вот, – решительно продолжил подполковник, – возвращайтесь на ту сторону, плывите назад и убедитесь, что там не осталось брошенных Вами бойцов Красной армии». Таким образом, этим страшным приказом тот неизвестный подполковник спас нашего Ивана Михайловича от расстрела. И этой ночью он вновь поплыл через Дон.

Естественно, никого он там не нашел. Хотя честно искал несколько дней. Как уцелел, одному Богу известно. Когда старший лейтенант Иванченко вновь переплыл на свою сторону, то там опять все радикально изменилось. Войска шли к Сталинграду, и офицер Иванченко решил самостоятельно двигаться в том же направлении, искать свой родной батальон.<sup>14</sup>

И действительно, 143-й батальон, который теперь вошел во фронтовое подчинение, Иван Михайлович отыскал именно там, под Сталинградом. Там, в штабе, с ним побеседовал представитель «Смерша»,<sup>15</sup> которым был его давний добрый товарищ Иван Иванович. Никаких подозрений высказано не было. В штабе батальона, оказалось, давно уже лежала приготовленная на него «похоронка». Но комбат все ее откладывал и не подписывал, со словами: «Он обязательно придет». Иван Михайлович не разочаровал. Так закончи-

---

<sup>14</sup> Но, конечно же, он не мог не заглянуть по дороге в г. Балашов, где в это время жила его любимая Галка. «К Балашову надо было идти на север, к Сталинграду на юг. Я был посередине. Решил: в какую сторону первый поезд пойдет – туда и поеду. Подошел состав на Балашов, и все решилось. 9 августа 1942 года, после столь долгих мучений, небритый, худой, оборванный, я нашел их квартиру. Галка меня не ожидала и встретила со слезами».

<sup>15</sup> СМЕРШ (сокращение от «Смерть шпионам!») – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

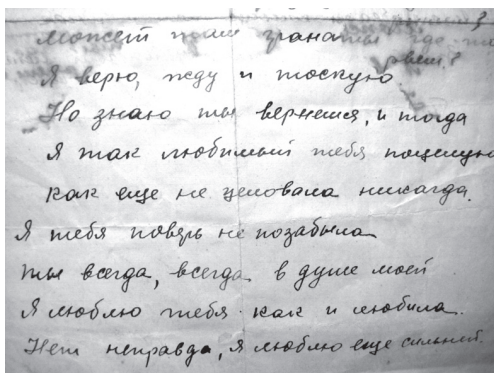
лись для старшего лейтенанта Иванченко те страшные два с половиной месяца (!) выхода из окружения под Харьковом.

## Одна ночь и три года



С семьей. Родные Галка и Светланочка

Саратове, в это время жили мои родные Галка с моей дочуркой Светланой. И я придумал, как можно сделать, – надо выехать туда раньше эшелона и выкроить себе немного времени для встречи с семьей. Так я и сделал, оставив за себя начальника штаба. Поздно вечером я был уже в Саратове и мы наконец увиделись с Галкой. Светлана спала детским сном. Утром я пошел на станцию узнать, когда прибывают наши эшелоны. Галке сказал, чтобы готовила завтрак, да, и что со мной еще придут мой начальник штаба и замполит.



Стихи Анны, посланные на фронт  
Ивану Михайловичу

«После победы под Сталинградом мой батальон был ненадолго отведен для пополнения и приведения себя в порядок в район города Энгельса (Покрова). Скоро мы должны были двинуться эшелоном в сторону Саратова, где готовились баня и дезинфекция. То есть остановка на несколько часов. Но там, в

Придя на станцию, я увидел, что от перрона отходит какой-то эшелон. Присмотрелся, а мимо меня, сидя на ступеньке вагона, «проплывает» мой старшина. Бегу за вагоном и спрашиваю: «Где все остальные эшелоны»? А он отвечает: «Все уже прошли на запад, наш последний! Все бани отменили – срочно выдвигаемся». Я запрыгиваю в послед-

ний вагон и уезжаю. Это было 19 февраля 1943 года. В следующий раз мы увиделись с Галкой и Светочкой ровно через три года, в феврале сорок шестого, после победы над Японией, в городе Спасске на Дальнем Востоке».

## Глаза

Запомнилась мне еще одна тяжелая история из рассказов Ивана Михайловича. «Немцы тогда отступали, и у нас много работы по разминированию было. Под Ельней батальон “снял” две тысячи мин. Целыми днями общались напрямую со смертью, так что вроде бы уже привыкли. И вот как-то, притомившись к вечеру, выбрали полянку присесть перекусить, покурить. Старшина у меня был хороший, опытный. Побежал за консервами, за фляжечкой и, вернувшись, присел напротив меня. И тут под ним раздался щелчок... Недоглядели мы.



*Наши саперы проводят разминирование территории оставленной немцами*



*Немецкая шариковая «Шпрингмина 35» или «мина-лягушка»*

У немцев в войну широко применялись так называемые “шпрингмины”, или “мины-лягушки”. Особенность их боевого применения состояла в способности подлетать на высоту до полутора метров, после чего мина взрывалась в воздухе и поражала всех оказавшихся в радиусе 80 метров.

Старшина сразу понял, что за щелчок раздался под ним. Через четыре с половиной секунды мина должна взлететь над нами и всех нас уничтожить. Но это произойдет в том случае, если он отскочит в сторону. Но он остался сидеть. Я глядел ему в глаза, а он смотрел в мои. Эти секунды показались вечностью. Мина сработала и, войдя в старшину, просто разнесла его на части. Мы все были в его крови, но никто не получил даже легкого ранения...

Эти глаза, этот взгляд со мной теперь на всю жизнь».

## Награды

Из событий 1944 года особое место в боевом пути Ивана Михайловича занимает г. Вильнюс (Вильно).

В июле месяце батальон капитана Иванченко одним из первых пересек «старую» госграницу СССР и пошел на столицу Литвы. К этому времени Иван Михайлович командовал 165-м отдельным батальоном, шедшим с войсками в авангарде. Начиналась Вильнюсская наступательная операция.

«Подойдя к городскому кладбищу на окраине города, батальон неожиданно попал под сильный минометный огонь немцев. Согласно разведданным, немцев здесь быть не могло, но, как говорится, «ошибочка вышла». Батальон мой, оказавшийся в отрыве от наших основных сил, начал развертывание для принятия боя. Срочно стали окапываться, немцы же тем временем пошли в атаку. Надо было продержаться до подхода наших основных сил, и я направил в бой весь наличный состав, включая офицеров, штабников и хоззвод. Немцы нагло лезли прямо на огонь батальона. Наконец, понеся большие потери, они отступили, отойдя вновь на территорию кладбища.

Наступала короткая июльская ночь. Мы собрали погибших, оказали помощь раненым и приготовились, чтобы с рассветом самим перейти в наступление. Но под утро к нашим позициям подошла 184-я стрелковая дивизия. Меня вызвал в штаб командир корпуса генерал Перекрестов Г. Н. и, поблагодарив за смелые и успешные действия, приказал батальон с переднего края вывести и приготовиться к действиям по разминированию города Вильнюса. Вскоре



город был взят, и работы там действительно оказалось много».

В октябре 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего маршала И. В. Сталина «в связи с отличием в боях за город Вильнюс» батальону майора И. М. Иванченко было присвоено наименование «165-й отдельный инженерный Виленский батальон». Одновременно с этим комбат Иванченко был награжден сразу двумя Орденами Отечественной Войны: Второй степени – за отличие в Сталинградском сражении и Первой степени – за взятие города Вильно.



*Орден Отечественной Войны*

## Еще одна «смерть»

Пожалуй, последнее, что мне запомнилось из тех давних рассказов Ивана Михайловича, касалось уже войны с Японией, на Дальнем Востоке. К тому времени подполковник Иванченко был уже в должности заместителя начальника тыла армии.

Эпизод из его боевого пути (если такое событие вообще можно назвать эпизодом) произошел у китайской реки Мулин (Мулинхэ) левом притоке Уссури, к берегам которой после трехдневных боев с японцами вышла 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта. Японцы были отброшены к следующей реке – Мудадзянь. В городе с одноименным названием Мулин расположился штаб армии со всеми тыловыми подразделениями.

«И надо же было такому случиться, чтобы эти реки, с их изгибами и приметными ориентирами, оказались очень похожими. Наша авиация, поднявшись в воздух для нанесения бомбового удара по японцам, перепутала эти реки.



*Майор Иванченко И. М.  
1945 год. Война с Японией*



*Наши летчики на Харбинском аэродроме уточняют задание. Август 1945 года.  
Война с Японией*

Теплым сентябрьским утром мы с моим другом подполковником Берхманом стояли на улице Мулина и любовались, как наши лучшие в то время самолеты – бронированные штурмовики Ил-10 – направляются громить японских самураев. Но в следующий момент ситуация странным и ужасающим образом резко изменилась – наши “соколы” неожиданно вышли на нас в атаку и началась жесточайшая бомбежка.

За время войны под немецкими бомбами мне приходилось бывать не раз, и к этому обстоятельству я, в общем-то, уже попривык. Но оказаться под нашими бомбами – это было очень страшно. Все вокруг нас взлетало на воздух, и было непонятно, куда бежать. Пребывая еще в некотором замешательстве от происходящего, мы слышали характерный вой приближающейся бомбы. Она явно шла на нас. Мы упали на землю, и в следующую секунду наша двухсотпятидесятикилограммовая “ФАБ-250” с диким воем тяжело вошла в грунт в метре от наших голов. Бомба не взорвалась. Где была моя Галка в этот момент, как она молилась обо мне...

Мы с Берхманом едва успели переглянуться и бросились бежать в разные стороны. Думаю, что убежать бы я в этом кошмаре не успел, но тут мне явно повезло еще раз. Мимо меня на страшной скорости неся наш ординарец на мотоцикле, и я, недолго думая, в невероятном прыжке сумел упасть ему на спину. Он едва не завалился, но в следующий момент выправился, и мы понеслись по улицам города. За нами все рвалось и горело, и взрывные волны толкали нас в спину и били по ушам».



*Атака советских истребителей.*

Надо сказать, что этот эпизод из войны с Японией мне не удалось найти в иных исследованиях и воспоминаниях, хотя Иван Михайлович говорил, что урон, нанесенный войскам от той ошибки летчиков, был очень большой. И приказ Командующего фронтом в отношении виновных был чрезвычайно суров.

Весной 1946 года Иван Михайлович «за особую храбрость, самоотверженность и мужество» в войне с Японией получил свой второй Орден Боевого Красного Знамени. Тем временем Япония капитулировала, и долгий боевой путь трех войн Ивана Михайловича завершился.

«Ко мне в г. Спасск Дальний приехала моя семья. Мы были так рады, что наконец-то мы все вместе! Началась мирная армейская жизнь на Дальнем Востоке. Но мне очень долго не верилось, что войне конец, что больше не придется рисковать своей головой. И еще было мне удивительно: как я остался жив?»



*Наши бойцы  
позируют у бомбы ФАБ-250  
перед ее подвеской  
на самолет*





*Полковник Иванченко со своей женой Анной (Галиной). Ленинград, 1970 год*

## Жажда Исповеди



*Иван Михайлович.  
80-е годы*

Вспоминаю завершение жизненного пути моего дорогого тестя Ивана Михайловича. Он дожил почти до восьмидесяти лет, и в последнее время часто задавал мне один и тот же вопрос: «Алеша, сделаешь ли ты все как положено?» Речь, понятное дело, шла о его кончине, хотя таких слов мы не произносили. И я уверенно отвечал, что, конечно же, все будет сделано «на высшем уровне». Мне тогда, естественно, казалось, что речь идет о хорошей организации похорон, об оркестре, почетном карауле и всем прочем. Обо всем том, что, по сути, нужно лишь живущим и что душе усопшего не требуется и, более того, даже ее тяготит. Но все это



понимание пришло, соответственно, много позже, а тогда, конечно же, я расстарался, выполняя данное мной обещание.

Как гениально сформулировал великий Тертуллиан: «душа по натуре христианка», и Иван Михайлович, может, сам того вполне не осознавая, заботился и просил меня об ином, о попечении об его душе.

Всю жизнь мечтая о сыне, Иван Михайлович очень меня любил. И потому столь важные просьбы доверил только мне. Порой людям, которые уже стоят на пороге вечности, открывается нечто большее, чем можно постичь умом или вписать в обычный ход событий. Так и Иван Михайлович, видимо, неосознанно предчувствовал грядущую мою решительную перемену, и душа его, может быть, уже чаяла моих монашеских зауспокойных молитв.

Только сейчас я понимаю, как ему была нужна Исповедь. Как душа воина, прошедшего три страшные войны, страдала от тяжести грехов, накопившихся за эту долгую жизнь. Потому воин Иван никак не мог умереть. Лежал и стонал. Временами впадал в сумеречное состояние сознания и тогда подымался с постели, собирал вещмешок, искал



*1986 год. «Золотая свадьба» Ивана Михайловича и Галины Адольфовны. С ними внуки: Александр, Анна, Иван*



*Воин Иван и его верная Галка.  
День Победы 1985 года*

свой наградной револьвер и шел на войну. Мы с Валентиной отыскивали его порой уже на улице, среди кустов и деревьев... Очень его жалели, но ничем тогда помочь не могли. Мы еще ничего не знали про главное дело жизни, про спасение души человека.

В последние дни он уже не вставал с постели, но по-прежнему в бреду, в забытии командовал бойцами, подымал батальон в атаку и плакал об убитых друзьях...

Я верю, что Всемиловитый Господь примет нынешнее покаяние всех его детей и внуков, пришедших к вере, и дарует по нашим молитвам упокоение светлым душам – воина Ивана и его верной подруги Анны.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть I. «СКРЕПИТЬ ЛЮБОВЬЮ...»</i> . . . . .	4
Книга отца . . . . .	6
Тоска о любви . . . . .	11
Черный ангел . . . . .	14
 <i>Часть II. ПРО «ДЯДЮ КОЛЮ»</i> . . . . .	15
 <i>Часть III. РУССКИЙ ВОИН ИВАН</i> . . . . .	21
Свет любви . . . . .	25
Человек . . . . .	27
Устно и письменно . . . . .	28
Карл Маннергейм и Иван Иванченко . . . . .	31
Подрыв . . . . .	36
1941 год . . . . .	43
В «плен» . . . . .	45
Трижды «убитый» . . . . .	47
Первый бой . . . . .	52
Иван Иванченко и Минский пивзавод . . . . .	53
Под Ельней . . . . .	54
Ранение . . . . .	55
На лечении . . . . .	57
Река Дон . . . . .	58
Одна ночь и три года . . . . .	62
Глаза . . . . .	63
Награды . . . . .	64
Еще одна «смерть» . . . . .	65
Жажда Исповеди . . . . .	68

*Митрофан (Баданин),  
Епископ Североморский и Умбский*

## **ВОЙНА И ЛЮБОВЬ**

Обложка – *Ольга Колчина*  
Верстка – *Сергей Алексеев*  
Корректор – *Екатерина Черкасова*  
Подписано в печать 17. 06. 2013  
Формат 70x100/16. Печ. л. 4,5.  
Издательство «ЛАДАН»  
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44